

А. Р. КОРСУНСКИЙ

О КОЛОНАТЕ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ V—VI ВЕКОВ

Изучение института колоната в Восточной Римской империи имеет большое значение для решения проблемы разложения рабовладельческого строя и генезиса феодализма в Византии. Между тем ряд важных сторон проблемы колоната не нашел еще удовлетворительного решения. Несостоятельность попыток буржуазной историографии дать научный анализ колоната была predetermined ее методологическими установками: формально-юридическим методом исследования и идеалистическим пониманием сущности исторического процесса, отрывом процесса развития колоната от общего экономического состояния общества.

В советской исторической литературе вопрос о восточно-римском колонате наиболее обстоятельно исследован М. В. Левченко¹. В противоположность буржуазным исследователям М. В. Левченко характеризует положение колонов в тесной связи с социально-экономическими условиями общества Восточной империи, что и дает ему возможность правильно увидеть в возникновении института колоната результат объективных процессов экономического развития.

Большое значение для исследования колоната имеют также работы Н. В. Пигулевской² и ряда других советских историков. Но характеристика колоната носит в указанных работах несколько общий характер. Все эти работы посвящены не специально колонату, а ряду проблем социально-экономической истории Восточной империи. Естественно, что некоторые важные стороны процесса развития колоната остались неосвоенными. Не исследованы еще в достаточной мере такие важные вопросы, как источники колоната в V—VI вв., связь процесса формирования колоната с классовой борьбой, происходившей в восточно-римском обществе, статус приписного колона, или адскрипция, и так называемого свободного колона, роль государства в процессе формирования колоната и пр.

Данная статья представляет собой посильную попытку ответить на основании источников — преимущественно юридических, а также литературных и папирологических — на указанные вопросы.

¹ М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии VI—VII вв. „Проблемы истории докапиталистических обществ“, 1935, № 1—2; его же. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. BC, 1945; его же. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи. ВВ, т. II, 1949.

² Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. „Вестник ЛГУ“, 1948, № 4; ее же. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Л., 1940.

І. ИСТОЧНИКИ КОЛОНАТА

Вопрос об источниках колоната весьма важен для выяснения удельного веса колонов в производстве и социального положения колонов.

Исследуя причины развития колоната в Восточной Римской империи, буржуазные историки останавливают свое внимание главным образом на политических факторах данного процесса¹. Подобный метод исследования исключает анализ процесса формирования колоната как объективной экономической закономерности общественного развития для данных исторических условий. Всестороннее и полное исследование рассматриваемого социального института возможно лишь на базе изучения и экономического и политического состояния общества V—VI вв. К V в. в Восточной Римской империи имелся уже значительный слой зависимых земледельцев — колонов различных разрядов. Колоны обрабатывали земли частных землевладельцев, императорские домены, владения церкви. Подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что колоны к этому времени составляют основную массу земледельческого населения в Восточной империи, хотя в сельском хозяйстве продолжалось также применение рабского труда.

В V—VI вв. происходит дальнейший рост численности колонов. Одним из важнейших источников роста колоната в Восточной империи был процесс разложения мелкой земельной собственности и роста крупного землевладения. К числу особенностей Восточной империи, отличавших ее от Западной, относилось наличие в ней в V—VI вв. значительного слоя свободного крестьянства, с одной стороны², сравнительно высокий уровень развития товарно-денежных отношений, — с другой. В рассматриваемый период в Восточной империи интенсивно протекал процесс разорения крестьянства.

Одной из причин разорения мелких крестьянских хозяйств, как видно из источников, была хроническая задолженность крестьян, ростовщичество. Задолженность крестьян была, повидимому, повсеместным явлением в Восточной Римской империи. Потребность мелких собственников в приобретении рабочего скота вместо павшего, в семенах, в хлебе, в деньгах для уплаты налога, — выступает в источниках как обычная причина задолженности крестьян. Так, например, в одном египетском контракте конца V в. говорится о том, что свободный земледelec Аврелий Феон получает от соседнего землевладельца ссуду зерном. Вместо возмещения ссуды земледelec обязуется дать свой участок земли на год в пользование кредитору. Возможно, Аврелий Феон должен был обеспечить обработку этого земельного участка. Подобный контракт означал фактически, что земледelec лишился части своих земельных владений, но попрежнему обязан был выплачивать земельные налоги. Таким образом, положение этого земледельца ста-

¹ По утверждению Ш. Соманя, адскрипциат зарождается там, где государство уступает посессору право сбора налогов (Ch. Saumagne. *Du rôle de "l'origo" et du "census" dans la formation du colonat romain.* Byz., XII, 1937, p. 572—573). М. Палас полагает, что на Востоке в основе колоната лежали фискальные и военные интересы государства (M. Palasse. *Orient et occident à propos du colonat Romain au Bas-Empire.* Lyon, 1950). По мнению А. Джонсона и Л. Веста, адскрипциат возник в результате добровольного поступления крестьян под патронат могущественных лиц (A. Johnson a. L. West. *Byzantine Egypt.* Princeton, 1949, p. 29).

² М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 31—37; Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 40.

новилось еще более неустойчивым, и перед ним вставала перспектива перехода на положение колона крупного землевладельца¹.

Особенно быстро росла задолженность крестьян во время стихийных бедствий, неурожаев или неурожаев, которые были обычным явлением при низком уровне земледелия того времени.

В подобных случаях мелкие земельные собственники оказывались жертвами хищнических операций со стороны местных магнатов, со стороны гражданских и военных должностных лиц, стремившихся приобрести новые земельные владения. Крестьянам предоставляли ссуды зерном, а затем, — поскольку крестьяне, как правило, были не в состоянии вернуть долг, кредиторы отнимали у них скот, рабов и, наконец, землю. В новеллах Юстиниана говорится о широком распространении подобной практики во Фракии и Иллирии.

Как признавало законодательство, ростовщические операции приводили к бедствиям, не менее опустошительным, чем вражеские вторжения: крестьяне лишались своего имущества, средств к существованию, спасались бегством, умирали от голода². Для разорившихся крестьян не оставалось никакого другого выхода, кроме превращения в колонов, прекарисов, мелких арендаторов, наемных работников.

Большую роль в разорении мелких земельных собственников играло то обстоятельство, что для крестьянства непосилен был гнет со стороны государства и его бюрократического аппарата. Высокие налоги, тяжелые государственные повинности и вымогательства со стороны чиновников и военных начальников падали в основном на мелких земельных собственников. Магнаты, как светские, так и духовные, могли отстоять свои интересы. На крестьянство же это давление со стороны бюрократического государственного аппарата оказывало губительное воздействие. О том, что государственные налоги и повинности были непосильны для населения, свидетельствуют и юридические, и литературные источники³. Правительство неоднократно в VI в. вынуждено было объявлять об аннулировании недоимок.

Пагубные последствия налогового обложения и несения государственных повинностей вызывались не только тяжестью официально установленных налогов и повинностей, но и способом их взимания. Процесс разложения рабовладельческого государства находил свое выражение в постепенном ослаблении центральной власти и усилении самостоятельности местных властей. Государственные чиновники на местах действовали все более независимо. Взимание налогов с населения служило основным источником дохода для чиновников. До постановлений Юстиниана должности открыто покупались. При этом чиновники, по замечанию Юстиниана, собирали с населения во много раз больше того, что они заплатили за свои должности (Nov. Just., VIII,

¹ См. G. Rouillard. *Prêt de grains*. A. d. 497. „Mélanges Maspero“, vol. II, Caire, 1934, p. 178—179. В житии Епифания Кипрского содержится рассказ о судьбе крестьянской семьи. После смерти главы семьи его домочадцам приходится сначала продать рабочий скот, а затем передать свой земельный участок соседнему земледельцу (см. А. П. Рудаков. *Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии*. М., 1917, стр. 183).

² Nov. Just., XXXII, praef.

³ Nov. Just., VIII, praef. См. также Творения Феодорита Кипрского, ч. VII. Сергиев-посад, 1907 (письма 23, 42, 43); Прокопий Кесарийский. *Тайная история*, IX, 27; ВДИ, 1938, № 4; Eugippii Vita Severini, 40, 5; Сказания Приска Панийского. СПб., 1860, стр. 55. Исидор Пелусиот упоминает в письме к Архонтию о должностном лице Гигантии, который своим несправедливым взиманием налогов довел крестьян до того, что они спасаются бегством или же, отказавшись от свободы, берутся за плуг, т. е., повидимому, становятся колонами. PG, t. 78, col. 448.

praef.). Взямая налоги и недоимки, чиновники обращались с земледельцами, как с населением завоеванной страны. Сбор налогов нередко сопровождался заключением в тюрьмы и бичеванием несостоятельных должников, продажей в рабство членов их семей, даже сожжением деревень и разрушением ирригационных сооружений¹. Злоупотребления чиновников имели место также и во время привлечения населения к государственным повинностям по строительству дорог, мостов и пр. (Nov. Just., XVII, 4), при взимании судебных поборов (Nov. Just., XVII, 3). В окраинных же провинциях чиновники нередко попросту совершали насилия, захватывали, например, сельских жителей и продавали их как рабов². Магнаты старались поставить в положение колонов беженцев из провинций, оказавшихся ареной вторжения внешних врагов. В кодексе Феодосия имеется упоминание о том, что землевладельцы просят правительство отдать им беженцев из Иллирии в качестве колонов. Правительство в данном случае отказало в этом³.

Таким образом, налоговый гнет государства и произвол чиновников усугубляли неустойчивость положения свободного крестьянина и способствовали его превращению в держателя земли крупного землевладельца.

К факторам, вызывавшим рост числа колонов за счет свободных крестьян, относилось также прямое насилие крупных землевладельцев. Магнаты нередко заключали в свои тюрьмы крестьян и принуждали их признавать себя колонами, адскрипциями⁴.

Другой формой насилия, которая в конечном счете должна была привести к тому же результату, т. е. к превращению свободного крестьянина в колона, был захват земли крестьянина магнатом. Процессы относительно собственности на землю, которые возбуждали крестьяне против лиц, узурпировавших права собственности на землю, были весьма распространенным явлением в VI в. Юстинианом была даже издана специальная инструкция, определявшая порядок выплаты оброков и внесения государственных налогов земледельцами во время тяжбы относительно прав собственности на землю (Cod. Just., XI, 48. 20).

Таким образом, задолженность и ростовщичество, налоговый гнет со стороны государства, насилия крупных землевладельцев, чиновников и военачальников вели к разорению крестьян, что в свою очередь служило источником колоната.

Государство в общем содействовало этому процессу. По мнению многих буржуазных исследователей, империя в V—VI вв. стремилась предотвратить разорение мелких земельных собственников, на которых зиждились военное могущество и финансовое благополучие государства⁵. Отмечают также, что императоры V—VI вв. опасались крестьянских восстаний. Сельское население действительно рассматривается

¹ См. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 100; Н. J. Bell. An Egyptian Village in the Age of Justinian. JHS, 64, 1944, p. 34.

² Nov. Just., XXIX, 2: „... καὶ οὐ συγχωρήσμεν ὑπὸ συγγένει καὶ προκαλύψεαι πρᾶσις τοὺς ἡμετέρους ὑπάρχους καταδουλοῦνται“.

³ Cod. Theod., X, 10. 25 (405 г.). Здесь говорится даже о намерении некоторых лиц подчинить беженцев „игу рабства“ (iugum servitutis inponere). Но в данном случае, повидимому, речь шла о колонате. Ср. Cod. Theod., V, 6. 3.

⁴ Cod. Just., XI, 48. 22; XI, 48. 23. Ср. Nov. Just., XLIV, praef. См. также М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 88.

⁵ См. E. Demougeot. De l'unité à la division de l'Empire romain 395—410. Paris, 1951, p. 548; P. Collinet. La politique de Justinien à l'égard des colons. „Studi Bizantini e neoellenici“, vol. V, Roma, 1939, p. 601—602; A. Ch. Johnson. Egypt and the Roman Empire. Ann Arbor, 1951, p. 96.

правительством как горючий материал, который в любой момент может вспыхнуть пожаром восстания¹. И эти восстания не были редким явлением².

Все это побуждало императоров издавать законы, формально ограждавшие интересы мелких собственников. Но при внимательном изучении законодательства мы убеждаемся в том, что оно в конечном счете выражало интересы не крестьян, а их антагонистов. Так, например, когда захват земель задолжавших мелких собственников в Иллирии и Фракии принял массовый характер, Юстиниан предписал вернуть земли тем крестьянам, которые возместят ссуду, хотя бы и без процентов. Но одновременно он обязал этих земледельцев ежегодно выплачивать и проценты (Nov. Just., XXXII, XXXIII). В дальнейшем ограничены были размеры процентов, но весьма высокой нормой: разрешалось взимать проценты в сумме, вдвое превышавшей размеры долга (Nov. Just., CXXI, 2; CXXXVIII).

В то же время продолжал оставаться в силе во всей империи закон, разрешавший отнимать у несостоятельных должников вслед за движимым имуществом землю. При этом подчеркивалось, что кредитор имеет право выбирать во владении должника лучшую часть недвижимого имущества (Nov. Just., IV, 3).

Не более эффективными были и мероприятия, целью которых объявлялась защита земледельцев от прямого насилия со стороны влиятельных лиц.

Так например, конституция Юстиниана от 531 г. указывала, что для признания какого-либо лица адскрипцией недостаточно наличия его письменного подтверждения этого факта; необходима также соответствующая запись в ценз³. Можно, однако, предполагать, что магнату, пользовавшемуся большим влиянием на местные власти и на судей, не трудно было добиться оформления соответствующих документов. В законах нередки упреки судьям, оставляющим без наказания преступные действия магнатов по отношению к крестьянам (Cod. Theod., IX, 10. 4; VII, 18. 4) или затягивающим процессы настолько, что они „... становятся почти вечными и превосходят продолжительность человеческой жизни“ (paene immortales, et vitae hominum modum excedant). [Cod. Just., III, 1. 13 (530 г.)]. Ослабление контроля центральной власти за действиями местных властей и рост частной власти магнатов придавали, однако, подобным законам декларативный характер. Суды, как правило, находились в руках землевладельцев. Во многих случаях местные суды даже вовсе отказывались рассматривать жалобы крестьян и колоннов на землевладельцев (Nov. Just., XXVI, 3). Этим объясняется то обстоятельство, что императорский суд был завален жалобами, а Константинополь наводнен земледельцами-истцами (Nov. Just., LXXX, praef.; 2; XXVI, 3; XXV, 3).

Характерно также, что в полном соответствии с пожеланием землевладельцев законодательство потребовало, чтобы приговоры судов относительно состояния адскрипциата немедленно вступали в силу.

¹ См. Nov. Just., XVII, 2; Nov. Just., VIII, praef.; XXIV, 1. Ibidem, vol. III. Corporis CLXVIII novellarum appendices. Edictum 8.

² См. ниже, стр. 68.

³ Cod. Just., XI, 48. 22: Sin autem et scriptura, et post scripturam confessio seu depositio, sine vi et necessitate tamen, intervenerit (quid enim, si etiam conductionale instrumentum vel aliam chartulam, in qua subscripsit, intimavit, et inter acta deposuit, sese colonum fuisse adscriptitum?), tunc ex utroque genere obligationis, id est tam scripturae quam confessionis vel depositionis, talem eum esse credendum, qualem et scripsit et inter acta deposuit.

Конституция предупреждает судей, что исполнение приговора не должно задерживаться из-за того, что человек признан адскрипцием [Cod. Just., II, 4. 43 (500 г.)].

Следует отметить, что сама система налогового обложения была рассчитана на обременение главным образом мелких земледельцев¹.

Таким образом, государство, принимая в некоторых случаях меры для предотвращения крестьянских восстаний и стараясь несколько затормозить процесс разорения свободных мелких земледельцев, особенно в пограничных провинциях, в целом своей политикой способствовало разорению крестьянства. Тем самым государство помогало умножению контингента колонов.

Необходимо также учесть, что одним из путей превращения свободных земельных собственников-крестьян в зависимых земледельцев было развитие института патрониниев. Стремление получить со стороны влиятельного лица защиту от насилий и притеснений чиновников и частных лиц заставляло крестьян отдаваться под покровительство магнатов. Наиболее распространенным видом патрониния к V в. становится тот, при котором земледелец переводит на имя патрона свою собственность, свою землю².

Земледелец, ставший под покровительство, обязан был вносить патрону известные платежи натурой или деньгами³. Таким образом, отдаваясь под покровительство, земледелец лишался юридически земельной собственности и практически оказывался в положении прекариста или колона. Характерно, что отношения землевладельца к колонам законодательство в некоторых случаях квалифицирует как отношения патроната (см. ниже).

Следует отметить, что отношения патроната возникали зачастую не по инициативе земледельца. Подобно тому как в Западной Европе в это время крупные землевладельцы и их виллики силой устанавливали свое покровительство над крестьянами, так и магнаты и церковь в Восточной Римской империи в V—VI вв. превращали земледельцев близлежащей округи в своих подданных⁴.

Государственная власть оказывала некоторое противодействие развитию патрониниев. Государство исходило при этом не только из тех мотивов, по которым оно старалось замедлить разложение свободной мелкой земельной собственности. Пока существовало централизованное государство, правительство не могло допускать неограниченного роста частной власти магнатов. Поэтому во второй половине IV в. и в V—VI вв. законодательство изобилует постановлениями, направ-

¹ Нужно учитывать также и то обстоятельство, что государственное законодательство ограничивало в известной мере юридические права свободных крестьян. В Египте, например, мелкие собственники — *homologi* — лишены были свободы передвижения, они не могли покинуть те села, к которым были приписаны (Cod. Theod., XI, 24. 6). Неимущие свободные, в том числе свободные крестьяне, уже в V в. квалифицировались как *humiliores*, права которых в ряде случаев были ограничены по сравнению с высшим разрядом свободных. См. А. Р. Корсунский. *Honestiores* и *humiliores* в законодательных памятниках Римской империи. ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90. Все эти ограничения прав свободных крестьян также ослабляли позиции последних в борьбе против крупных землевладельцев.

² Cod. Just., XI, 54. 1: Si quis... ad patrociniū cuiuscumque confugerit, id quod huius rei gratia geritur sub praetextu donationis vel venditionis seu conductionis. Cp. Cod. Theod., XI, 24. 1—6.

³ Cod. Theod., XI, 24. 2; Cod. Just., XI, 54. 2.

⁴ Cod. Theod., XI, 24. 6; Cod. Just., XI, 54. 1—2; Nov. Just., XVII, 13: „Προστασίας δὲ ἀδίκους, ἃς μανθάνομεν ἐν ταῖς ἡμετέραις ἐπαρχίαις γίνεσθαι, πᾶσι μετέλευσθαι τρέποις“. Nov. Just., XVII, 14; XXVIII, 5; XXIX, 4.

ленными против патроциниев¹. Но борьба государства против роста частной власти магнатов не могла быть последовательной, так как в конечном счете это государство выражало чаяния крупных землевладельцев, заинтересованных в патроциниях. Некоторые исследователи, как, например, А. Джонсон, утверждают, что борьба государства против патроциниев была вполне успешной. Но в доказательство этого своего положения Джонсон приводит лишь тот довод, что после законов Феодосия термин „патрон“ не встречается более в египетских папирусах².

В нашем распоряжении имеются, однако, данные о том, что правительство постоянно делало уступки магнатам в отношении патроциниев и отнюдь не смогло воспрепятствовать развитию частной власти крупных землевладельцев в VI в.

Так, например, в начале V в. издана была конституция, легализовавшая все патроцинии, предоставленные до 397 г., при условии, что патроны примут на себя повинности, которые прежде несли их нынешние клиенты (Cod. Theod., XI, 24. 6). Крупные землевладельцы были признаны таким образом владельцами тех земель, которые прежде принадлежали крестьянам, принятым под патроцинии. В 468 г. сделана была аналогичная уступка магнатам: закон Льва и Анфимия установил, что должны быть ликвидированы лишь те патроцинии, которые были розданы после 440 г. в египетском, понтийском, азийском и восточном диоцезах и — после 436 г. — во фракийском диоцезе (Cod. Just., XI, 54. 1). Законы против патроциниев издавались и в VI в.³. Но необходимость в частом повторении подобных постановлений указывает на то, что рост частной власти магнатов не был преодолен государством. Распространение же патроциниев означало, что продолжалось превращение свободных мелких земельных собственников в зависимых земледельцев, находившихся в положении, не многим отличавшемся от положения колонов⁴.

К числу социальных групп, стоявших близко к колонам и представлявших собой источник для развития колоната, принадлежали также мелкие земельные арендаторы и прекаристы.

О широком распространении мелкой земельной аренды и прекария в Восточно-Римском государстве V—VI вв. свидетельствуют и юридические источники, и папирусы⁵. Нельзя считать случайным включение юристами Юстиниана в составленные ими законодательные сборники большого количества правовых норм об аренде, а также некоторых положений о прекарии.

Значительный удельный вес подобных форм землепользования естественно вытекал из господства крупного землевладения при мелком характере хозяйства. Для разорившихся мелких земельных собственников, если они вместе с землей не утрачивали одновременно свободы и самостоятельности, единственный выход состоял в переходе на положение земельных держателей светских магнатов или церкви. При этом

¹ Cod. Theod., XI, 24.1—6; Cod. Just., II, 13.2; II, 13.1; XI, 54.1—2; Nov. Just., XVII, 13—14; XXVIII, 5; XXIX, 4 и др.

² A. Ch. Johnson. Egypt and the Roman Empire, p. 83.

³ Nov. Just., XVII, 13—14; XXVIII, 5; XXIX, 4; XXX, 8.

⁴ См. также F. Zulueta. De patrociniis vicorum. Oxford Studies in Social and Legal History, vol. I, 1909.

⁵ Мы не касаемся вопроса об амфитевзисе, который использовался главным образом для предоставления земли в пользование крупным сьемщикам.

сохранивший еще свободу земледелец, как правило, стремился занять положение свободного арендатора, а не колона¹.

Свободные арендаторы в отличие от колона формально не были прикреплены к земле, и после уплаты оброка и тех повинностей, которые были зафиксированы в контракте или установлены обычаем, никакие другие обязанности не связывали их с землевладельцами. Но, как показывает анализ источников, эволюция в положении мелких арендаторов и прекаристов проходила в направлении колоната.

Те экономические факторы, которые делали неустойчивым положение мелкого производителя в V—VI вв., действовали и по отношению к мелким земельным держателям. Задолженность мелких арендаторов во времена Юстиниана и Апиона была, повидимому, не менее распространенным явлением, чем во времена Траяна и Плиния.

В Дигесты вошли многочисленные упоминания о *reliqua colonorum* (Dig., 33, 7.20, 27; 32, 1.91, 97 и др.). Официальное право играло в свою очередь активную роль в установлении тесной зависимости мелких арендаторов от собственников земли. Законодательство требовало неуклонного выполнения арендаторами своих обязанностей. Местным органам власти, судьям предписывалось не принимать во внимание жалобы арендаторов на плохой урожай (Dig., 19, 2. 15)². Инвентарь мелкого арендатора (если он прибыл к землевладельцу со своим инвентарем) и урожай считались в залоге у земельного собственника (Dig., 20, 4. 11; 43, 32. 1; 47, 2. 62 и др.).

Землевладельцы неохотно расставались с тем инвентарем, который принес на земельное держание арендатор, и старались присвоить этот инвентарь даже в том случае, если арендатор уходил, выполнив условия контракта³. Но обычно землевладельцы могли осуществлять свои цели легальным путем. Хроническая задолженность арендаторов обеспечивала землевладельцам возможность завладеть инвентарем колонов.

Имущественная правоспособность мелкого арендатора на практике настолько ограничивалась, что лица, предоставившие ссуду мелкому арендатору, требовали возвращения ссуды от землевладельца так же, как это делалось и в отношении рабов и колонов.

В 422 г. издана была конституция, указывавшая, что господа не отвечают за долги раба, колона, арендатора⁴. Арендаторы, оказавшиеся в долгу у землевладельца, фактически лишались права ухода

¹ Арендатором или прекаристом мог стать только свободный человек. Законодательство разрешало посессорам принимать к себе лишь тех лиц, в свободном статусе которых не было сомнений (Cod. Just., XI, 48.12). Но землевладельцы, нуждавшиеся в рабочей силе, судя по обилию законов, назначающих кары за укрывательство беглых, не проявляли большой щепетильности при приеме поселенцев. Конституция Валентиниана и Валента указывает, что беглые поселяются под видом свободных людей у посессоров, обрабатывают у них землю, получая часть урожая или определенную плату. Подобные отношения законодатель подводит под понятие *privatum contractum* (Cod. Just., XI, 48.8). Таким образом, наряду с разорившимися свободными крестьянами, число арендаторов росло за счет беглых колонов, рабов и, повидимому, также куриалов.

² Арендатор мог получить скидку лишь в том случае, если произошло стихийное бедствие, но на следующий год, в случае хорошего урожая, земельный собственник мог компенсировать себя соответственным повышением оброка (Cod. Just., IV, 65. 8).

³ Cod. Just., IV, 65.26: *Si conductionis implestis fidem, ejus rei gratia factum instrumentum evanuit. Quod si quid vestrum in fundo fuit vel vi direptum est, hos restitui vobis praeses provinciae jubebit.*

⁴ Cod. Just., IV, 26.13: *qui servo, colono, conductori, procuratori actorive possessionis pecuniam mutuam det, sciat, dominos possessionum cultoresve terrarum obligari non posse.*

из имения. Это имело место и в том случае, если аренда была краткосрочной¹.

Но на практике аренда, повидимому, была длительной и нередко наследственной. В законе Зенона от 484 г. упоминаются наследники арендаторов и прекаристов².

Существовала так называемая вечная аренда, которая, как признавалось законом, переходила к наследникам [Cod. Just., IV, 65. 10 (239 г.)].

Мы уже видели, что экономические причины и в V—VI вв. усиливали зависимость мелких арендаторов от земельных собственников и приближали первых к колонам. Но крупные землевладельцы, со своей стороны, активно содействовали процессу превращения свободных арендаторов в зависимых земледельцев, в колонов.

Сближение положения мелких арендаторов и колонов зашло к VI в. так далеко, что землевладельцы и, повидимому, местные власти, суды сам факт аренды (*conductio*) рассматривают как достаточное основание для причисления мелкого земледельца к разряду адскриптицев, против чего вынуждено было выступить законодательство³.

В ряде случаев магнаты вообще не занимались изысканием легальных средств превращения мелких арендаторов в колонов и употребляли по отношению к ним меры насилия, как и к свободным крестьянам⁴.

Правительство под давлением свободных земледельцев издает некоторые постановления, ограничивающие произвол магнатов в отношении арендаторов. Император Юстиниан вынужден был, например, объявить, что одного лишь факта *conductio* недостаточно для признания земледельца адскриптицем (Cod. Just., XI, 48. 22). В Кодекс Юстиниана была включена также конституция III в., запрещавшая землевладельцам задерживать у себя арендаторов после истечения срока аренды (Cod. Just., IV, 65.11).

Но подобные меры в лучшем случае могли несколько ограничить круг земельных держателей, превращаемых в колонов. В общем же государство содействовало закреплению данного разряда земледельческого населения. Официальное право в V—VI вв. все больше сбли-

¹ Dig., 33, 7.20, § 3. См. Фюстель де Куланж. Римский колонат. СПб., 1908, стр. 16—17. О том, что аренда зачастую была краткосрочной, свидетельствуют и папирусы (см. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 95). Произволом землевладельца определялась и длительность земельного держания прекариста (Dig., 43, 26.1: *Utendum conceditur tamdiu, quamdiu is qui concessit patitur*). Таким образом, права земледельца-арендатора на пользование землей не обеспечивались, землевладелец же имел фактически возможность освободиться от неугодного арендатора или, наоборот, удержать его.

² Cod. Just., IV, 65.33: *Conductores rerum alienarum seu alienam cujuslibet rei possessionem precario detinentes seu heredes eorum...* Подобные упоминания встречаются и в папирусах. Так, например, в Р. Оху., 130, колон указывает, что он служит господину так, как служили родители и предки (*The Oxyrhynchus papyri*. P. I, B. P. Grenfell and A. S. Hunt. London, 1898).

³ Cod. Just., XI, 48.22: *Sancimus, solam conductionem vel aliam quamcunque scripturam ad hoc minime sufficere, nec adscriptitiam conditionem cuiquam inferre*. Показательно, что земледельцы иной раз уничтожали квитанции о внесении оброков, так как последние считались доказательством принадлежности их владельцев к разряду колонов [Cod. Just., IV, 21.19 (529 г.): *Plures, apochis vel redditum vel usurum perceptis, si quando super his fuerit dubitatio exorta, eas habere se negando, jus agentium faciunt vacillare*]. О квитанциях подобного рода см. также Nov. Just., XVII, 8; P. Ross, III, 41, 43.

⁴ Повидимому, конституция Юстиниана подразумевает мелких арендаторов и прекаристов, когда упоминает о том, что делаются попытки закрепощать детей свободных женщин и тех, кто не являются колонами или адскриптициями [*Constitutio*, I De ascripticiis et colonis (540 г.)].

жает свободных арендаторов с колонами и рабами. Выше уже отмечалось, что законодательство сопоставляло арендаторов с колонами и рабами в отношении ответственности за долги. Еще раньше сопоставляются поселенцы (*incolae*) с колонами и сервами при определении наказаний за некоторые преступления (*Cod. Just.*, IX, 24.1). Очевидно, мелкие арендаторы, как и прочие люди, находившиеся в имении магната, рассматривались как лица, состоявшие под его патронием (*Cod. Theod.*, XII, 1. 50). Это означало косвенное признание их личной зависимости от землевладельцев (см. ниже). Мелких арендаторов в Восточной империи в V—VI вв., как и прежде, во II—IV вв., заносили в ценз (*Dig.*, 50, 15. 4, § 8).

Наиболее же ярким примером содействия государственной власти тенденции землевладельцев закрепостить всех свободных земледельцев может служить известная конституция Анастасия от 500 г. Эта конституция легализовала превращение мелких арендаторов и прекаристов в „свободных“ колонов, объявив о закрепощении всех земледельцев, просидевших 30 лет на земле (*Cod. Just.*, XI, 48. 19). Данная конституция не могла не коснуться также и тех поселенцев, которые отдавались под патронии магнатов.

Разумеется, не следует преувеличивать значение этого законодательного акта для формирования колоната. Конституция Анастасия лишь легализовала те отношения, которые складывались на практике на рубеже V и VI вв. Но она сыграла свою роль в превращении пестрой массы зависимого земледельческого населения в единый социальный слой непосредственных производителей — колонов.

Важным источником колоната служило воспроизводство рабочей силы в имениях крупных землевладельцев. Наличие у данной группы непосредственных производителей самостоятельного хозяйства и семьи создавало такие условия для воспроизводства рабочей силы, которых лишена была рабская система хозяйства. Государственное же право обеспечивало сохранение крупными землевладельцами данного простота земледельческого населения в качестве дополнительной рабочей силы. Это достигалось путем установления наследственности звания колонов и путем причисления к разряду колонов детей от смешанных браков колонов с представителями различных групп свободного населения. Колонат стал наследственным еще в IV в. Но и в V в. ряд конституций закрепляет данную правовую норму (*Cod. Theod.*, V, 18. 1; *Cod. Just.*, XI, 48. 13, 16; 52. 1; 68. 3). В VI в. законодательство распространяет это положение на так называемых свободных колонов¹.

Особенно много внимания законодательство Восточной империи в V—VI вв. уделяло вопросу о положении детей от смешанных браков. Колоны находились в тесном общении с другими разрядами земледельческого населения. Они жили нередко в тех же деревнях, что и свободные крестьяне²; с другой стороны, в имениях, рядом с колонами находились свободные поселенцы — арендаторы, прекаристы, клиенты,

¹ „Свободные“ колоны отличались от адскриптивных, согласно закону Анастасия (*Cod. Just.*, XI, 48. 19), тем, что могли иметь собственное имущество. Законодательство VI в. неоднократно подчеркивает принадлежность этого разряда колонов к свободным. Данные источников о положении колонов свидетельствуют, однако, о том, что „свобода“ этих колонов была весьма относительна и отличие их от колонов-адскриптивных гораздо менее значительным, чем это представляется конституцией Анастасия (см. ниже о статусе колонов).

² Известно, что в V—VI вв. магнаты приобретали земли в сельских общинах (*Cod. Just.*, XI, 56. 1). В таких случаях в одной и той же деревне оказывались свободные крестьяне и колоны.

буккелярии и пр. Естественно, что браки между колонами и свободными земледельцами были обычным и широко распространенным явлением. Это обстоятельство используется землевладельцами как средство для расширения числа подвластного им и закрепощенного земледельческого населения.

Юридические источники позволяют нам проследить, какую эволюцию претерпевали правовые нормы в соответствии с указанной тенденцией господствующего класса.

Уже в IV в. потомство от женщины, принадлежавшей к числу колонов фиска, и свободного мужчины причислялось к разряду колонов (Cod. Just., XI, 68. 4). К началу V в. это положение было распространено и на колонов частных лиц (Cod. Just., XI, 48. 16). Потомство же колонов и свободных женщин (а также рабынь) до Юстиниана наследовало положение отца¹.

В 530 г. конституция Юстиниана распространила на адскриптициев то положение о смешанных браках, которое прежде применялось по отношению к рабам. Дети от смешанных браков должны были теперь наследовать положение матери (Cod. Just., XI, 48. 21). Этот законодательный акт провозглашался позднее как „покровительство свободе“ (Nov. Just., LIV, praef.).

Давление со стороны земледельческого населения, боровшегося против закрепощения, заставило правительство сделать жест „великодушия“ в сторону колонов. Дети от браков мужчин-колонов и свободных женщин теперь объявлялись свободными. Эти и другие подобные законы дали повод ряду буржуазных историков представлять Юстиниана „покровителем свободы“ и защитником крестьянства. Однако на самом деле и в данном вопросе официальное право всецело поддерживало землевладельцев. Указанное постановление шло вразрез с интересами землевладельцев в тех случаях, когда адскриптиций вступал в брак со свободной женщиной, так как их потомство оказывалось на свободе. Но государственное право, объявив детей от брака мужчин-адскриптициев и свободных женщин людьми свободными, вслед за этим запретило адскриптициям вступать в брак со свободными женщинами. За господами признано было право расторгать подобные браки².

Запретив такие браки на будущее, Юстиниан постарался лишить изданный им в 530 г. закон обратной силы. В 537 г. он выступает против „хитрости“ колонов, которые используют закон 530 г. для того, чтобы ускользнуть от уз колоната-адскриптициата. Эти колоны ссылаются на то, что они родились от свободных женщин. Юстиниан объявляет, что действие данного закона может быть применено лишь к тем, кто родился от колона и свободной женщины после 530 г. (Nov. Just., LIV, praef.). Таким образом, после издания закона 537 г. дети от смешанных браков колонов и свободных признавались свободными лишь в тех случаях, когда подобные браки были заключены после 537 г. и не были расторгнуты господами колонов.

Но государство не удовлетворилось и подобным ограничением. Несмотря на то, что „свободные“ колоны считались, по крайней мере формально, свободными людьми, законодательство изъяло их из сферы действия закона 530 г. Землевладельцы, судя по обращению префекта претория к императору, превращали детей от браков между адскриптициями и женщинами из числа „свободных“ колонов в адскриптициев.

¹ Cod. Just., XI, 48. 13; Cp. Nov. Just., LIV, praef.

² Cod. Just., VII, 24. 1; Nov. Just., XXII, 17; Nov. Just., LIV, praef.; Cod. Just., XI, 48. 24.

Юстиниан, разъяснив, что потомки адскриптициев и женщин, принадлежавших к числу колонов, должны считаться свободными, тут же объявил, что они тем не менее прикрепляются к имениям (*Nov. Just., CLXII, 3*)¹. Это положение было подтверждено конституциями Юстина и Тиберия для Африки.

Законодательство VI в. о положении детей от смешанных браков колонов и свободных отражает различные перипетии длительной борьбы колонов против крупных землевладельцев за свободу.

В некоторых случаях правительство вынуждено было делать временные и частичные уступки колонам, когда оно считало необходимым предотвратить возможное народное восстание. Так, например, правительство осуждает поведение землевладельцев Апаimei, которые расстроят уже заключенные браки колонов и отбирают детей у родителей (*Nov. Just., CLVI, praef.; C. 1*). В других случаях, наоборот, правительство, по настоянию местных землевладельцев, вовсе отказывалось и от того „покровительства свободе“, которое было осуществлено законом 530 г. Так, например, удовлетворяя требование посессоров Иллирии, Юстиниан восстановил для этой провинции действие старого закона, по которому дети адскриптициев или колонов, с одной стороны, и свободных — с другой, должны были наследовать состояние отца². В общем же официальное право полностью содействовало тому, что естественный прирост земледельческого населения направлялся на умножение числа колонов.

О том, что тенденция государственного законодательства состояла в стремлении увеличить именно состав колонов, а не какого-либо другого разряда производительного населения, свидетельствует и тот факт, что деклассированные элементы оно старалось включить в состав колонов. Лиц, занимающихся нищенством и годных по состоянию здоровья к физическому труду, предписывалось отдавать в колонны³. Известно также, что одним из способов использования военнопленных „варваров“ было расселение их на территории империи в качестве колонов⁴.

Некоторые исследователи отмечают также сближение положения рабов с положением колонов. Наделение сервов земель и ведение ими самостоятельного хозяйства — это действительно новый метод использования рабов. Но это не дает еще оснований признать, что к VI в. стерлась грань между подобными сельскими рабами и колонами. В рассматриваемый период между сервом и колоном любого разряда сохранялись коренные отличия в их имущественной правоспособности, гражданских правах и степени зависимости от господина (см. ниже). Сервы и колонны не сливались в единую массу непосредственных производи-

¹ Это был обычный демагогический прием государственной власти в отношении колонов. Государство формально шло на уступку колонам, борющимся против закрепощения, и признавало в принципе их „свободу“. Но в то же время оно запрещало им покидать имения магнатов (см. также *Cod. Just., XI, 48, 23* и др.).

² *De adscripticiis et colonis. Adierunt nostram serenitatem Lugdunensium habitatores, et hoc nos docuerunt: quia ante proposuimus legem, per quam iussimus adscriptitios vel colonos commiscentes se liberis mulieribus procreare filios ad similitudinem liberorum, [et] ex hoc detrimentari fundos et eorum functiones, recedentibus agricolis, velut ex utero libero procedentibus. Et hoc corrigentes sancimus, secundum veterem legem de adscriptitiis et colonis constitutis agricolis, quod nascitur adscriptitium et colonum fieri. Corpus juris civilis, rec. R. Schoell, Berolini, vol. III, 1904, p. 796.*

³ *Cod. Just., XI, 26, 1.*

⁴ *Cod. Theod., V, 6, 3.* См. также М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 36—37.

телей. Рабы являлись источником пополнения колоната не непосредственно и прямо, а через посредство института вольноотпущенничества.

Одним из показателей процесса разложения рабской системы хозяйства служит распространение практики освобождения сервов в Восточной империи и содействие подобной практике со стороны государства¹.

Если раб, получивший свободу, находил для себя применение в земледелии, то он становился мелким земельным собственником, арендатором или прекаристом. Все эти земледельцы, как мы видели выше, имели в перспективе участь колона. Но для земледельца-либертина подобная эволюция была еще более вероятна, чем для свободнорожденного мелкого собственника или арендатора. Либертин в силу своего положения находился в известной личной зависимости от своего бывшего господина. Личная зависимость вольноотпущенника от патрона и ограничение его имущественной и гражданской правоспособности в пользу патрона имели место в Восточной империи в V—VI вв., так же как и в предшествовавшую эпоху².

Законодательство Юстиниана также не смешивало либертинов и свободнорожденных³. Вольноотпущенники в VI в., как и прежде, не могли судиться со своими господами (Cod. Just., II, 41. 2). Значительная часть либертинов связана была со своими патронами обязанностью подчинения (obsequium), и нарушение этой обязанности давало патрону право вернуть „неблагодарного“ в рабство, отобрать у него все имущество (Cod. Just., VI, 4. 3; Nov. Just., LXXVIII, 2). В кодекс Юстиниана вошел и закон 371 г., свидетельствующий о прикреплении либертинов к имениям их патронов (Cod. Just., XI, 53. 1). Патроны имели, очевидно, известные дисциплинарные права по отношению к своим вольноотпущенникам⁴.

В общем можно констатировать, что либертины-земледельцы мало чем отличались от „свободных“ колонов. Рост вольноотпущенничества означал, следовательно, рост социальной группы непосредственных производителей, принадлежавших по своему положению к тому же разряду, что и колоны.

Таким образом, изучая положение основных групп производительного населения в сельском хозяйстве, мы убеждаемся в том, что они или служили непосредственно источником роста колоната или же эволюционировали к положению, близкому к статусу колонов. Это позволяет сделать вывод, что в рассматриваемый период колон становится в Восточной империи основным типом непосредственного производителя как в имениях светских землевладельцев, так и в доменах императора и церкви.

¹ См. Nov. Just., LXXVIII, praef.; 3—4; Cod. Just., VII, 5. 1; VII, 6. 1. Прокопий сообщает даже, будто иной раз господа были вынуждены помимо их желания освобождать рабов („Тайная история“, VII, 33).

² Ср. А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках. ВДИ, 1954, № 2, стр. 55—58.

³ Вопрос о том, принадлежит ли данное лицо к свободнорожденным или к либертинам, служил объектом судебного разбирательства в VI в. [Cod. Just., II, 22. 6 (529 г.)].

⁴ В одной из конституций Юстиниана упоминается о том, что женщины-патроны производят расследование среди своих либертинок [Cod. Just., II, 55.6 (531 г.)]. В случае бегства либертину так же, как и рабу, грозили оковы (Cod. Just., XI, 53. 1).

II. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС КОЛОНОВ

В буржуазной исторической литературе можно встретить совершенно противоположные взгляды на статус восточно-римских колоннов. Одни исследователи (например, О. Зеек) сопоставляют колоннов с сервами¹. Другие, наоборот, рассматривают колоннов как свободных земледельцев, не связанных личными узами с землевладельцами². Нет единства в оценке положения колоннов V—VI вв. и в советской исторической литературе. Н. В. Пигулевская, например, полагает, что в Восточной империи стиралась грань между колонном-энапографом и рабом³. По мнению А. П. Каждана, колонны в Египте не были закрепощены, и в V—VI вв. их владельческие права возрастали⁴.

Некоторые историки характеризуют восточно-римских колоннов VI в. как крепостных крестьян⁵.

Определить социальное положение колоннов V—VI вв. — это значит охарактеризовать, в первую очередь, их роль в производстве, отношении колоннов к средствам производства, роль колоннов в распределении продуктов производства. Определение социального статуса колоннов предполагает также установление их политической и юридической правоспособности.

Процесс сближения различных групп зависимого и свободного земледельческого населения нашел свое отражение и в терминологии, служившей для обозначения земледельцев. Еще в III—IV вв. юридические и литературные источники для обозначения зависимых земледельцев применяли такие термины, как *colonus*, *rusticus* (γεωργός), *tributarius*, *inquilinus*, *adscriptitius* (ἐναπόγραφος). Но уже во второй половине IV в. и в V в. источники исходят в ряде случаев из убеждения в отсутствии существенных различий между этими категориями зависимого населения⁶.

К началу VI в. официальное право знает лишь два разряда зависимого земледельческого населения: адскриптициев и „свободных“ колоннов или просто колоннов⁷. В основу деления земледельцев на эти две категории известная конституция Анастасия положила имущественную правоспособность (*Cod. Just.*, XI, 48. 19). Подобная дефиниция четко проводится в юридических источниках VI в.⁸

¹ RE, s. v. *Colonat*, t. IV, S. 509; cp. S. Waszinsky. *Die Bodenpacht*. Leipzig—Berlin, 1905; S. 49; F. L. Ganshof. *Le status personnel du colon au Bas-Empire*. „L'antiquité classique“, 14, 1946, p. 273.

² A. Johnson a. L. West. *Byzantine Egypt*, p. 29; M. Palasse. *Orient et occident...*, p. 61. Высказывалось также мнение, что адскриптиции были в рабской зависимости от своих господ, но выступали как свободные по отношению ко всем другим лицам (*Ch. Saumagne. Du rôle de „l'origo“ et du „census“...*, p. 543—4. Ср. П. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880, стр. 28—29).

³ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 39. См. также „Византия“ в БСЭ, изд. 2, т. VIII, стр. 30; А. Г. Гемп. Крестьяне Римской империи IV—V вв. и формы их зависимости. Автореферат. Л., 1954, стр. 14.

⁴ А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, 1953, № 3, стр. 100.

⁵ Д. С. Ангелов. История на Византия, ч. 1, 1950, стр. 143, 152—153. Ср. также Е. Hardy. *The Large Estates of Byzantine Egypt*. N. Y., 1931, p. 133.

⁶ *Cod. Just.*, XI, 48. 13; cp. *Cod. Just.*, XI, 48. 6; I, 3. 36.

⁷ Для обозначения колоннов императорских доменов известной категории в конце V в. применялся также термин *tamiascus* (*Cod. Just.*, XI, 69. 1), а земледельцы, прикрепленные к владениям епископов, в хронике, псевдо-Захария Митиленского именуются *tautebe*, что соответствует греческому *ταυτεβοι* (Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 39—40).

⁸ *Cod. Just.*, I, 4. 24; XI, 48. 23; *Nov. Just.*, CXXIII, 35; CXXVIII, 14.

Необходимо, однако, отметить, что адскрипций это также колон. Об этом свидетельствуют и юридические источники V—VI вв.¹, и египетские папирусы².

Термин *colonus* (γῆωργός) в VI в. имеет не только узкое значение (зависимый земледелец, который по закону может иметь собственное имущество), но и широкое. В последнем случае *colonus* или γῆωργός обозначает не только зависимого земледельца, но и мелкого земельного собственника-крестьянина³ и в отдельных случаях серва, сидящего на земле⁴. Но и в VI в. источники не смешивают колоннов с рабами и свободных крестьян с колоннами.

В источниках трудно найти данные о хозяйственном строе восточно-римского поместья V—VI вв. и, в частности, о хозяйстве колона. М. В. Левченко на основании анализа египетских папирусов сделал вывод, что крупное имение, распадаясь на ряд колонских держаний, сохраняло характер крупного предприятия. Держания колоннов являлись самостоятельными хозяйственными единицами и в то же время были связаны с руководящим центром. Зачастую крупный землевладелец снабжал своих мелких держателей семенами и инвентарем⁵.

Связь между землевладельцем и колоном выражалась также в том, что первый обеспечивал земельные участки колоннов ирригацией или снабжал колоннов механизмами, необходимыми для ирригации, беря за это соответствующую плату (Cod. Just., XI, 63. 1; Р. Оху., 1899, 1900, 1982). Земельный собственник контролировал ведение хозяйства колоном. Хорошая обработка земли была непременным условием сохранения колоном своего участка⁶. Осуществление контроля за хозяйством колона обуславливалось также тем, что нередко земельный собственник получал определенную часть урожая колона.

Значительно больше данных имеется в источниках об имущественной правоспособности колоннов, хотя эти данные носят нередко противоречивый характер.

Уже в IV в. многочисленные законодательные положения нередко ставят колона и в этом отношении на одну доску с рабом, отказывая ему в имущественной правоспособности. Официальное право лишает колоннов возможности заключать контракты, продавать что-либо из

¹ В конституции 484 г. указывается, что господин может распоряжаться адскрипцией, ставшим без его (господина) санкции клириком, так же, как и прочими колоннами (Cod. Just., I, 3. 36: *ius proprium ad similitudinem ceterorum colonorum in suos adscriptitios exercendi*). В греко-сирийском законнике V в. энапограф отождествляется с колоном (Fontes iuris romani antejustiniani, p. altera, auctores, Florentiae, 1940, col. 773). В конституции Юстиниана от 529 г. говорится о том, что право обращаться в суд принадлежит колонам любого состояния (Cod. Just., XI, 48. 20). Следовательно, адскрипции и здесь причисляются к колоннам.

² В Оксиринхских папирусах адскрипции обычно характеризуются как энапографы (Р. Оху., 1896, 1900, 1982, 1985 и пр.).

³ См. *coloni-homologi* в Cod. Theod., XI, 24. 6; *χωμῆται* в Cod. Just., XI, 54. 2.

⁴ В одной из конституций кодекса Юстиниана среди земледельцев (γῆωργοί), ищущих покровительства, различаются две категории — *δοῦλοι* и *ἐλεύθεροι* (Cod. Just., XI, 54. 2). М. В. Левченко (Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 49) считает возможным, что *δοῦλοι* в данном случае обозначают адскриптивных. Подобное предположение нельзя, однако, признать обоснованным, так как ни юридические, ни литературные источники, ни папирусы не употребляют подобного термина для обозначения адскрипции. В конституциях V—VI вв. обычно различаются три разряда землевладельцев: сервы, адскрипции и колонны (Cod. Just., I, 4. 24; I. 12. 16; Nov. Just., CXXIII, 35 и др.).

⁵ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 76.

⁶ Dig., 19, 2. 25; Р. Росс. III, 51 (631 г.).

земли и пекулия без согласия господина¹ и, наконец, объявляет все имущество колонов-адскриптиев собственностью господ.

Данные правовые нормы подтверждаются и развиваются в Восточной Римской империи в VI в. В Дигесты, например, был включен ряд положений римских юристов II—III вв., которые предоставляли землевладельцам права на урожай, собранный колоном, на его имущество, ввезенное в имение².

В Кодекс Юстиниана вошли конституции, лишавшие колонов права иметь собственность (Cod. Just., XI, 50. 2), заключать имущественные обязательства, действительные для имения, в котором они находились [Cod. Just., VIII, 15. 8 (422 г.)]. Правда, конституция Анастасия объявила, что лишение права иметь свою собственность распространяется не на всех колонов, а на адскриптиев. Эта дифференциация в имущественных правах подтверждалась законами последующих императоров³.

Но законодательство отнюдь не предоставило неограниченного права собственности и „свободным“ колонам. Оно оставляет за господами известные, повидимому, довольно обширные права на имущество и этого разряда колонов.

В случае бегства колона к другому господину последний обязан был выдать его вместе с его пекулием⁴ так же, как и в случае бегства адскриптия (Cod. Just., XI, 48. 23). В VI в. землевладелец, требуя возвращения колона, бежавшего в монастырь, мог настаивать на том, чтобы беглый был выдан со всем его имуществом; если же прошло более 3 лет со времени принятия колона в монастырь, то последний обязан был вернуть бывшему господину колона имущество беглого. Причем это правило распространялось как на адскриптиев, так и на „свободных“ колонов⁵. Данная новелла Юстиниана свидетельствует о том, что в глазах законодателей право господина на имущество колона было более прочно, чем даже на самого колона. Упомянутые выше положения Дигест относительно прав господина на урожай колона и его инвентарь, повидимому, также могли быть использованы землевладельцем для того, чтобы стеснить возможность „свободного“ колона произвольно распоряжаться своим имуществом.

Ограничена была также в пользу господина и свобода завещания. Завещая имущество, колон мог передать его, очевидно, лишь колонам того же господина⁶. Если же колон не имел детей и, умирая, не оставил завещания, то все его имущество переходило к господину [Cod. Just., I, 3. 20 (434 г.); Nov. Just., CXLIV, 2].

О том, что землевладелец всячески стремился сохранить свой контроль над имуществом колона, свидетельствует и известная формула поручительства за египетского колона. В ней подчеркивается, что

¹ См. А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов..., стр. 63.

² Эти положения применялись не только, как было отмечено выше (стр. 52), к арендаторам, но и к колонам.

³ Nov. Just., CLXII, 2; Const. III (Justini): Unde sancimus, in Africana provincia filios ex libera matre et adscriptio patre productos liberos quidem esse, et res proprias habere, in ordine tamen colonorum esse, et non posse eos dimittere praedia, in quibus nati sunt, et excolere aliena. . .

⁴ Характерно, что имущество „свободного“ колона, именуемое в конституции Анастасия (Cod. Just., XI, 48. 19) „bona“ (в отличие от „пекулия“ адскриптия), в данной конституции Юстиниана называется пекулием.

⁵ Nov. Just., CXXIII, 35.

⁶ Nov. Just., CXLIV, 2.

энапограф будет жить в имении со своей семьей и всем своим имуществом¹.

Таким образом, официальное лишение имущественной правоспособности одной части колонов и резкое ограничение права распоряжаться имуществом другой части колонов — несомненно. Это обстоятельство служило одним из главных оснований для сопоставления восточно-римских колонов VI в. с рабами.

Следует отметить также, что официальное право старательно предупреждало возможность приобретения колонами каких-либо прочных прав на землю. Длительное владение землей, согласно нормам римского права, не сообщало земледельцу владельческих прав². Землевладелец мог при желании удалить колона, даже не нарушая положений официального права. Законодательство разрешало поссessorу удалить с земли колона, не обеспечивающего своевременной выплаты оброка и хорошей обработки земли (Dig., 19, 2. 25; 54). О применении подобного положения в VI в. (по отношению к арендаторам и эмфитевтам на церковной земле) упоминают и новеллы Юстиниана (Nov. Just., CXX, 8)³.

Юридическим нормам, характеризующим имущественные права колонов, не следует придавать абсолютного значения. Несомненно, они служат показателем тенденции законодательства, направленной на расширение прав господина на имущество земледельцев. Но эта тенденция встречала упорное сопротивление со стороны самих земледельцев, заинтересованных в расширении своей хозяйственной самостоятельности и боровшихся против постоянных попыток землевладельцев повысить норму эксплуатации⁴. На укрепление имущественных прав колонов влияли те зарождавшиеся в недрах рабовладельческого строя элементы нового общественного уклада, которые требовали создания у непосредственных производителей заинтересованности в своем хозяйстве и

¹ Р. Оху., 135.

² Cod. Just., VII, 39. 2. Ср. Cod. Just., IV, 65. 33.

³ Если колон становился непригодным к ведению хозяйства (inutili forte existat et ruri non idoneus. Cod. Just., XI, 48. 22), участок передавался его сыну. Но если сына и других наследников не было, повидимому, поссessor отдавал участок другому держателю, способному обеспечить выплату оброка и несение повинностей. Договоры, которые заключались египетскими землевладельцами с колонами, нередко указывали, что срок пользования землей колоном определяется волей собственника земли (см. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 94; F. Zulueta. De patrociniis vicorum, p. 45). Практически, однако, держание колонов являлось длительным и, как правило, наследственным. В Оксирихском папирусе колон, обращаясь с просьбой о ссуде, напоминает, что он служит землевладельцу, как это делали его отцы и предки: Р. Оху., 130. 9—10. . . ὅς ἐκ πατέρων καὶ ἐκ προγόνων δουλεύειν τῷ ἐμῷ ἀγαθῷ δεσπότην πληρώται ἐτησίως τὰ δημόσια. См. также Cod. Just., XI, 48. 21. Но и колон, обрабатывающий землю магната „с незапамятных времен“, мог быть лишен своего участка. По свидетельству Оксирихского папируса, у жителей Пемпо были отобраны их земли, так как они не соглашались выплачивать такой оброк, какого потребовал землевладелец (Р. Оху., 1915. 4—6; 21—25. См. E. Hardy. The Large Estates. . . , p. 90—91).

⁴ Колоны оказывали сопротивление поссessorам в тех случаях, когда последние лишали их земельных держаний. Землевладельцы старались предотвратить подобные конфликты путем получения от земледельцев соответствующих обязательств. В египетском папирусе 584 г. содержится заявление двух земледельцев, которые обязуются не предъявлять никаких претензий собственнику земли, если он передаст их участки другим лицам. Они обещают также не чинить никаких препятствий новым земельным держателям в обработке их участков. В случае нарушения обязательства поссessor имеет право взыскать с данных земледельцев штраф (Р. Росс. III, 39. Ср. также П. В. Ериштедт. Два греческих папируса византийского периода из советских собраний. ВДИ, 1952, № 2).

инициативы в труде. В результате борьбы этих противоречивых сил складывалось на практике такое имущественное положение колонов, которое существенно отличалось от их положения, предусматриваемого юридическими нормами. Об этом можно судить даже и по самим юридическим источникам, которые нередко содержат косвенные указания на действительное положение колонов.

Конституции IV—VI вв. упоминают о том, что колоны приобретают собственные земельные участки и владеют ими¹. В поместьях, брошенных их владельцами, государственные чиновники могли утверждать колонов в качестве владельцев земли [Cod. Just., XI, 62. 5 (377 г.)]. У некоторой части колонов, особенно в Африке, земельное держание было по своему типу близко к эмфитевтическому, и они могли становиться владельцами своих участков, как об этом свидетельствуют Тебесские грамоты (493—496 гг.). Колоны подобного типа свободно продавали свои земельные участки². При этом источники упоминают о наличии собственной земли не только у „свободных“ колонов, но и у энапографов³.

Наличие земли у колонов на Востоке было значительно более распространенным явлением, чем на Западе. Характерно, что все упоминания юридических источников о собственности колонов на землю относятся к восточным провинциям империи.

Не признавая приобретения колонами прав собственности на обрабатываемую ими землю, официальная юридическая теория вынуждена была в известной мере считаться с владельческими правами колонов.

Законодательство запрещало отчуждать имение без находившихся в нем колонов (Cod. Just., XI, 48. 7; XI, 48. 2). Конституции, признающие право землевладельцев продавать колонов, обычно содержат оговорку о том, что колон отчуждается вместе с землей (Cod. Just., XI, 50. 2; Cod. Just., XI, 48. 21)⁴.

О том, что колоны не были, подобно рабам, бесправны в имущественном отношении, свидетельствует и тот факт, что колоны могли составлять завещания и передавать имущество своим детям и родственникам. Этим правом располагали все колоны, как „свободные“, так и адскрипции⁵.

Папирусы также подтверждают наличие имущественной правоспособности у колонов. Египетские колоны заключают контракты, получают денежные ссуды. Выполнение своих обязанностей по отношению к землевладельцам, так же как и полученные ссуды, они гарантируют своим имуществом⁶. На основании ряда показаний источников можно также

¹ Cod. Theod., V, 19. 1; XI, 1. 14; XII, 1. 33; Cod. Just., XI, 68. 6; Nov. Just., CXXVIII, 14.

² См. Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale, Paris, 1952.

³ Nov. Just., CXXVIII, 14. Юстиниан признал, что колоны всех разрядов, следовательно и адскрипции, имеют право судом отстаивать свою собственность на землю (Cod. Just., XI, 84. 20).

⁴ В Кодексе Юстиниана содержится конституция, упоминающая о переводе посессором колонов из одного своего имени в другое [Cod. Just., XI, 48. 13 (400 г.)]. Но трудно сказать, насколько характерна она для взаимоотношений между землевладельцами и колонами в Восточной империи. Эта конституция, изданная на Западе, сохранена в Кодексе Юстиниана как правовая норма, регулирующая положение детей колонов различных разрядов.

⁵ Cod. Just., I, 3. 20 (434 г.); ср. Nov. Just., CXLIV, 2. Здесь предоставляется свобода завещания самаритянам и колонам. Термин, которым обозначаются колоны в данной новелле, — γεωργοί, охватывает, повидимому, колонов всех разрядов.

⁶ См. Р. Оху., 1896 (577 г.): χινδύω τῶν ἡμῶν ὑπαρχόντων. Ср. также Р. Оху., 1892 (581 г.); Р. Росс., III, 32 (504 г.).

заклучить, что колоны продают свой урожай, владеют рабочим скотом¹.

Считаясь с действительным положением вещей, в отдельных случаях и законодательство признавало, если не прямо, то косвенно, имущественную правоспособность колонов. Так, например, колоны Африки за нарушение религиозных законов (принадлежность к донатистской ереси) подвергались штрафу в размере одной трети своего пекулия (Cod. Theod., XVI, 5. 54).

Мы имели, таким образом, возможность проследить, как на имущественном положении колона отражались противоречивые тенденции переходного периода от античности к средневековью.

С одной стороны, юридически колон или вовсе лишен имущественной правоспособности (если он адскриптиций), или его правоспособность существенно ограничена (если он „свободный“ колон). Но, с другой стороны, колон вел самостоятельное хозяйство и практически мог распоряжаться своим имуществом как движимым, так (в известной мере) и недвижимым. Имея юридически полное право собственности на имущество основной части колонов и обширные права на имущество „свободных“ колонов, землевладелец все же не мог наложить руку на имущество колона так же беспрепятственно, как на пекулий раба². Но он оказывал постоянное давление на колона, используя свои юридические права для расширения ренты, взимаемой с земледельца (см. ниже, стр. 66—67). Поэтому и возможность колона располагать своим имуществом, хотя бы и движимым, была существенно ограничена.

Права колона в V—VI вв. на имущество не были достаточно прочными. Это лишало колона заинтересованности в своем хозяйстве, приущей крепостному феодальному обществу, делало колона склонным к перемене местопребывания и обуславливало неустойчивость хозяйства колона.

Таким образом, хотя колон Восточной империи принципиально отличался от античного раба по своей имущественной правоспособности, он все же стоял ниже средневекового крепостного крестьянина. Восточно-римский колон не представляет собой собственника орудий производства и личного хозяйства, хотя его владельческие права, повидимому, шире, чем у колона на Западе.

С вопросом об имущественной правоспособности колонов тесно связан вопрос об обязанностях колонов по отношению к землевладельцу. Изучение этого вопроса поможет нам выяснить, какова была доля колона в распределении продуктов производства. Тем самым мы можем сравнить в этом отношении положение колона как с положением античного раба, который вовсе не владел продуктами производства, так и с положением крепостного крестьянина, обладавшего более или менее устойчивыми правами на часть продукта своего труда.

Основные обязанности, лежавшие на колонах в V—VI вв., — это уплата государственных налогов (*publica tributa*, *publica functiones* — Cod. Just., XI, 48. 20), несение различных государственных повинно-

¹ О том, что египетские колоны владеют рабочим скотом, свидетельствуют папирусы. Оксиринхские папирусы упоминают о стычках между колонами из-за краж скота (Р. Оху., 1867), о ссудах, которые получают колоны от имения для покупки скота (Р. Оху., 130).

² А. Б. Ранович („Колонат в римском законодательстве II—V вв.“, ВДИ, 1951, № 1, стр. 97) высказывал предположение о полном имущественном бесправии колона, ссылаясь на некоторые данные Дигест. На необоснованность ссылок А. Б. Рановича на Дигесты указал М. Я. Сюзюмов („О юридических источниках для истории колоната“, ВДИ, 1951, № 4, стр. 87).

стей (*munera extraordinaria*, *munera sordida* — *Cod. Theod.*, XI, 16. 18; XI, 16. 5), — преимущественно повинностей по строительству дорог, мостов, стен и т. п. (*Nov. Just.*, XVII, 4), а также выплата оброка землевладельцу и выполнение в его пользу различных работ.

Относительно размеров государственных повинностей мы не имеем каких-либо определенных и точных данных. Известно, что эти налоги выплачивались как продуктами земледелия, так и скотоводства. Данные юридических и литературных источников свидетельствуют, что государственные налоги взимались в огромных размерах и уплата их зачастую оказывалась непосильным бременем для колонов. Государственные чиновники, взимавшие налоги, разрешали проблему несостоятельности налогоплательщиков двояким способом: они сгоняли задолжавших колонов с земли (*Cod. Just.*, XI, 48. 15) или же отбирали у них скот и рабов и в некоторых случаях использовали самих этих колонов как рабов для своих нужд (*Cod. Just.*, XI, 55. 2). Подобные меры были обычно прибыльны для самих чиновников, присваивавших имущество и труд колонов, но невыгодны ни для землевладельцев, терявших земельных держателей и испытывавших обычно нужду в рабочей силе, ни для фиска, так как подобная практика вела в конечном счете к сокращению числа налогоплательщиков. Не могли оказаться действенными и попытки перекладывать обязанность уплаты за несостоятельных должников фиска на их соседей (*Cod. Just.*, XI, 57. 1; ср. *Nov. Just.*, LII, 1), так как задолженность колонов, судя по источникам, была широко распространенным явлением, и подобные меры лишь несколько нивелировали их бедственное положение. В ряде случаев колоны вместе с владельцами имений спасались от сборщиков налогов бегством, оставляя свое хозяйство и имение¹.

Косвенное признание того, что бремя налогов и государственных повинностей оказывалось непосильным для колонов, содержится в ряде конституций императоров V—VI вв., объявляющих о снижении налогов, о списании недоимок, о запрещении отрывать колонов для выполнения повинностей в период сельскохозяйственных работ и чрезмерно отягощать их повинностями по строительству дорог, мостов, стен и т. п.²

Эти предписания, однако, были мало эффективны по той причине, что взимание налогов с крестьян и принуждение их к несению повинностей являлось важнейшей доходной статьей чиновников. Произвол чиновников при взимании налогов с населения засвидетельствован известным замечанием Юстиниана о том, что никто не знает, сколько налогов собирается в сельских районах египетского диоцеза (*Edict.* 13, *praef.*).

Но не менее важное значение для колона имела уплата землевладельцу оброка (*reditus* — *Cod. Just.*, XI, 48. 20; 23). Оброк вносился в зависимости от обычая натурой или деньгами, иногда частично натурой и частично деньгами (*Cod. Just.*, XI, 48. 5; XI, 48. 20).

Повидимому, обязанности колонов по отношению к их господам не ограничивались уплатой оброка. Некоторые исследователи отрицают выполнение колонами каких-либо обработок в пользу землевладельцев³. Но в источниках нередко упоминаются работы (*opera*) колонов.

¹ Прокопий. Тайная история, XXII, 16; Творения Феодорита Киррского, ч. VII, Сергиев-посад, 1907. Письма 42, 43.

² *Nov. Just.*, CXLVII, 1; *Cod. Theod.*, XI, 7. 11; *Nov. Just.*, XVII, 4.

³ А. Б. Ранович. Колонат в римском законодательстве II—V вв., стр. 105; А. Г. Гемп. Крестьяне Римской империи IV—V вв. и формы их зависимости, стр. 8.

В случае бегства колона землевладелец, принявший беглеца, обязан не только вернуть последнего его хозяину, но и произвести возмещение работ (*redhibitio... operarum* — *Cod. Just.*, XI, 53. 1)¹.

В известной конституции 409 г. о скирах землевладельцам предоставляется право пользоваться их работой (*opera... libera[utantur]* — *Cod. Theod.*, V, 6. 3). Иоанн Златоуст также упоминает о работах колонов².

В конституции Юстиниана от 531 г., предоставляющей землевладельцу право потребовать возвращения сына колона, давно уже отсутствующего в имении, отмечается, что это можно сделать и в том случае, если сын колона прежде „не обрабатывал полей и не совершал никакой работы колонов“ (*neque agrum coluit, neque aliquid colonarii operis celebravit* — *Cod. Just.*, XI, 48. 22).

В египетских папирусах соответствующего периода упоминается выполнение колонами работ по устройству дамб, очистке каналов, производство работ по ирригации и пр.³

Таким образом, можно заключить, что наряду с оброком колоны должны были нести в пользу господ определенные повинности, возможно, в отдельных случаях отработочные. Но колонов, очевидно, можно было привлекать к определенным, а не к любым работам. Их нельзя было, в отличие от рабов, использовать в домашнем услужении (*urbanisve obsequiis addicere* — *Cod. Theod.*, V, 6. 3)⁴.

Трудно сказать, какова была дифференциация в отношении повинностей между приписными и „свободными“ колонами. Но можно предположить, что повинности лежали главным образом на первых. Еще в конце IV в. конституция Аркадия и Гонория отмечала, что колоны, записанные в ценз, обязаны ежегодными платежами и обязанностями, вытекающими из их положения (*quibus annuis functionibus et debito conditionis obnoxii sunt* — *Cod. Just.*, XI, 50. 2).

Главное значение среди обязанностей колона имели, однако, оброк и государственный налог, которые постоянно упоминаются в источниках, характеризующих положение колона⁵. Оброк и налог выступают как главный объект борьбы между земледельцем-колоном, с одной стороны, землевладельцами и государством, с другой.

О размерах оброков и налогов, которые приходилось вносить колонам в Восточной империи, имеется очень мало данных. В юридических источниках таких данных нет. Говорится лишь о том, что оброки взимаются в соответствии с обычаем. Обычай имения (*consuetudo praedii*) определяет и размеры оброка и его характер: взимается ли он деньгами

¹ В 47-й речи Либапия („О патрониях“) говорится об отказе колонов от работ в пользу господ: *πρὸς τοὺς αὐτῶν κυρίους ἐπισπέρχοντας τούτο τῆς γῆς βουλομένης ἄγριον ἔσθῃσαν ὀφθαλμὸν ὅς ἀνάγκης μὲν ὄντες ἔξω, γινώμη δὲ ἐργαζόμενοι καὶ οὐχ ἀφόμενοι τῆς γῆς, εἰ μὴ παύσιν αὐτοῦς*. Liban. Opera rec. R. Foerster, vol. III. Lips., 1906.

² PG, t. 58, col. 591.

³ См. A. Johnson a. L. West. *Byzantine Egypt*, p. 65.

⁴ В известном поручительстве за энапографа наследников Апиона указывается, что энапограф Аврелий Авраам будет жить постоянно в имении, выполняя все обязанности, за которые он ответственен как энапограф (Р. Оху., 135). В ранних контрактах египетских колонов-энапографов упоминаются обязанности не только платить оброк и выполнять ирригационные работы, но и „... подчиняться всем распоряжениям землевладельца“. В более поздних контрактах этой оговорки нет, но возможно, это положение стало уже обычным (см. A. Ch. Johnson. *Egypt and the Roman Empire*, p. 100).

⁵ В конституции Юстиниана от 529 г., регулирующей порядок исполнения колонами своих обязанностей во время тяжбы, упоминаются лишь государственный налог и оброк (*Cod. Just.*, XI, 48. 20).

или натурой¹. В некоторых случаях размеры оброка определялись контрактами. Папирусы содержат указания относительно размеров оброка египетских арендаторов и колонов. Доля урожая, вносимая египетским колоном или мелким арендатором землевладельцу, обнаруживает в IV—VI вв. явную тенденцию к повышению. В VI в. держатели земель египетских поссессоров обычно могли оставлять себе лишь одну четвертую или одну пятую часть урожая². В одном папирусе упоминается арендатор, который снимает у монастыря виноградник на 10 лет со всем оборудованием и с одним монастырским колоном. Арендатор обязуется отдавать монастырю половину урожая. Подобное распределение урожая позволяет заключить, какой незначительной была доля колона, выделявшаяся ему арендатором³.

Высокая норма прибавочного продукта, взимаемого землевладельцем, в сочетании с обременительными государственными налогами и повинностями зачастую лишала хозяйство колона способности к простому воспроизводству. О неспособности земледельцев выплачивать все следующие с их хозяйства платежи свидетельствуют многочисленные данные источников. В папирусах, например, имеются упоминания о задолженности колонов, о том, что они уплачивают оброки лишь на следующий год⁴.

Юристы Юстиниана сочли необходимым включить в *Дигесты* и применить, следовательно, по отношению к колонам VI в. те положения классической римской юриспруденции, которые обеспечивали права землевладельца на прибавочный продукт земельного держателя (см. выше, стр. 52)⁵.

Поссессоры, как правило, стремились повышать оброк. В тех случаях, когда с колонами заключались контракты, им навязывались новые условия пользования землей. Нередко землевладельцы попросту увеличивали оброк вопреки обычаю⁶.

В некоторых случаях землевладельцы переводили на деньги натуральные платежи колонов (*Cod. Just.*, XI, 48. 5). Подобная мера являлась сильным ударом по интересам колонов, так как их мелкое хозяйство было малотоварным, и выплата оброка деньгами представляла большие, нередко непреодолимые затруднения.

Источники свидетельствуют также о том, что самая процедура взимания оброка с колонов сопровождалась различного рода злоупотреблениями, еще более отягчавшими положение земледельцев. Управляющие землевладельцев и сборщики налогов, собирая оброк с колонов, использовали эту свою обязанность как средство обогаще-

¹ *Cod. Just.*, XI, 5. 1; XI, 48. 5; IV, 62.4; XI, 48. 23; *Nov. Just.*, XXX, 3.

² Анализируя отчеты гермонополитанского имения, М. В. Левченко отмечает, что государственные налоги составляли в обычные годы 24—25, а в неурожайные годы — 34 процента чистого дохода (М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 73, 95—96); S. Waszynski. *Die Bodenpacht*, S. 156.

³ P. Giess., 16. См. М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. ВВ, т. II, стр. 34.

⁴ S. Waszynski. *Die Bodenpacht*, S. 106.

⁵ В договорах, которые заключали египетские колоны, подчеркивалось, что доля землевладельца доставляется ему без всякого риска и вычета (см. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии. „Проблемы истории докапиталистических обществ“. М.—Л., 1935, стр. 95). О том, что с колонов требуют выполнения повинностей, независимо от того, принес ли участок доход, свидетельствует и Иоанн Златоуст (*Homilia in Math.*, LXI). PG, t. LVIII, col. 591—592.

⁶ *Cod. Just.*, XI, 50. 1—2; XI, 48. 23; XI, 68. 5.

ния и взымали с колонов значительно больше того, что вносили владельцу имения¹.

Существенное значение для расширения возможности землевладельца присваивать прибавочный продукт колона имело и то обстоятельство, что уже в IV в. владельцам имений было дано право собирать с колонов государственные налоги и вносить их в казну (Cod. Theod., XI, 1. 14). Сложность налоговой системы и попустительство со стороны бюрократического государственного аппарата создавали землевладельцам благоприятные возможности для того, чтобы использовать это право как дополнительный источник доходов. Судя по папирусам, случалось и так, что землевладелец, собрав налоги с крестьян, не вносил их государственным властям, и колоны, оказавшиеся не в состоянии вторично внести этот налог, подвергались жестоким репрессиям².

По отношению к колонам, не выполнившим в срок свои обязательства, землевладельцы применяли меры насилия. Для этой цели использовались как легальные средства — суд и соответствующие репрессии, включая тюремное заключение³, так и нелегальные, которые в V—VI вв. становятся, однако, обычной практикой. Землевладельцы создают постепенно и собственный аппарат насилия над эксплуатируемым сельскохозяйственным населением (частные тюрьмы, отряды наемников-буккеляриев или попросту отряды вооруженных рабов), важнейшей функцией которого становится сбор оброка и налогов с колонов.

В случае невыплаты оброка колонами, землевладельцы захватывали их имущество, хлеб, скот и пр.⁴, заключали в свои частные тюрьмы самих колонов или членов их семей в качестве заложников. В некоторых случаях владелец имения использовал круговую поруку, заставляя одних обитателей имения выступать поручителями за других⁵.

Колоны, в свою очередь, оказывали ожесточенное сопротивление землевладельцам и их агентам. В источниках, как юридических, так и в литературных, в агнографической литературе и в папирусах имеются данные о том, что земледельцы-колоны в ряде случаев отказывались выполнять повинности, выступали против своих господ, оспаривали право собственности землевладельцев на обрабатываемую ими, колонами, землю, изгоняли из деревень сборщиков налогов и оброков, вели бесконечные тяжбы со своими господами⁶.

¹ Р. Оху., 1915. 22—23. См. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии, стр. 86.

² P. Cairo Maspero 67024; Select Papyri A. S. Hunt and S. S. Edgar, vol. II. London, 1934, p. 100.

³ Во второй половине IV в. землевладельцы, по описанию Либания, допускали злоупотребления по отношению к земледельцам, обрабатывавшим их земли: „Если они не примиряются с корыстолюбием господ, то без долгих слов солдат с оковами посылаются в деревню, и темница встречает узников“ (Orat. 45, 5—6). Сам Либаний в тех случаях, когда у него возникали трения с колонами, обращался в суд (Orat. 47, 13—15).

⁴ Р. Оху., 156, 1838.

⁵ Р. Оху., 135, 996.

⁶ Либаний в 47-й речи рассказывает о том, что жители деревень прогоняли сборщиков налогов. Он же упоминает об отказе колонов нести повинности в пользу господ (там же). В Кодексе Феодосия говорится о жителях египетских деревень, которые, надеясь на свою многочисленность, противятся выполнению государственных повинностей (Cod. Theod., XI, 24. 3. Ср. Cod. Just., IX, 39. 2). Житие Феодора Сикеота упоминает случай покушения крестьян на убийство антаксиупольского магната, притеснявшего их. В биографии Порфирия Газского излагается история клирика из Газы, который отправился собирать платежи среди крестьян церковных деревень и едва не был убит земледельцами (А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры... стр. 189). В Оксиринхском папирусе имеется характерное письмо

В ряде случаев колоны выступали с оружием в руках против имперских властей¹. Наиболее значительными были восстания колонов-самаритян в Палестине² (529—530 гг.) и земледельцев Египта (конец VI — начало VII в.), о котором сообщает хроника Иоанна Никиусского³.

В результате этой борьбы государство вынуждено было официально признать обычай главным критерием в определении размера оброка и повинностей колонов. Еще в начале IV в. Константин запретил взимать с колонов больше того, что обычно взималось прежде (*quam ante consueverat*). В случае нарушения этого закона колон мог принести жалобу судье, и последний должен был принудить землевладельца вернуть колону все, что было у него незаконно получено (*Cod. Just.*, XI, 50. 1). Во второй половине IV в. конституция Валентиниана, Феодосия и Аркадия запретила возлагать повинности сверх обычной на колонов фиска (*Cod. Just.*, XI, 68. 5). Колонам фиска разрешено было приносить жалобы на несправедливые поборы со стороны комитов [*Cod. Just.*, IX, 27. 5 (390 г.)]. В самом конце IV в. конституция Аркадия и Гонория, запрещавшая колонам судиться с господами в гражданских делах, допустила исключение для тех случаев, когда колоны жалуются на взимание оброков сверх обычного [*Cod. Just.*, XI, 50. 2 (396 г.)]. Это правило оставалось незыблемым и в VI в. Юстиниан возложил уже на самих правителей провинций обязанность принимать меры к возмещению ущерба колонам, с которых господа взяли оброков больше, чем это позволял обычай⁴.

Необходимо учесть при этом, что колоны не были так разобщены, как античные рабы. Колоны нередко жили деревнями и имели своих должностных лиц. В источниках упоминаются *primates possessionis* (*Cod. Just.*, IX, 39. 2), *φροντισταί* (*Nov. Just.*, CLXVII; Р. Оху., 1911. 196; 1917. 83—84; 1985, и др.), которые возглавляют деревни зависимых земледельцев-колонов.

О социальном весе колонов дает представление также новелла 167 Юстиниана. В ней упоминается, что в случае приобретения каким-либо лицом имения должен составляться протокол, подтвержденный дефензором провинции. Колоны или староста (*φροντιστής*) должны засвидетельствовать в протоколе свою осведомленность в том, что другое лицо стало владельцем и господином, и обещать выполнять волю бывшего господина, передавшего имение другому лицу.

Ряд законодательных положений VI в. направлен против злоупотреблений чиновников при установлении размеров повинностей и сборе налогов с земледельческого населения⁵. Разумеется, реальный вес этих правовых норм уменьшался в обратной пропорции к росту частной власти магнатов и их влияния на местные органы власти.

Имеется немало данных в юридических и в литературных источниках о том, что простому человеку можно было добиться правосудия

сборщика налогов. Последний сообщает, что ему не удалось собрать оброки с жителей деревни Пинурис, хотя последние задолжали значительную сумму (Р. Оху., 1855).

¹ О восстаниях колонов в Каппадокии Юстиниан говорит как о самом обычном явлении (*Nov. Just.*, XXX, 3).

² Прокопий. Тайная история, XI, 27—29.

³ Н. Пигулевская. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке. ВИ, 1950, № 4, стр. 51.

⁴ *Cod. Just.*, XI, 43. 23. См. также *Nov. Just.*, XXX, 3).

⁵ *Nov. Just.*, XVII, 4, запрещает чиновникам чрезмерно отягощать население повинностями по строительству дорог и мостов. В той же новелле предписывается сборщикам налогов точно отмечать в квитанциях, что было получено ими в счет налога от налогоплательщика (*Nov. Just.*, XVII, 8).

лишь в том случае, если он заручился покровительством магната, военачальника или подкупил судью. Магнаты уже в V в. пользуются значительным влиянием на судей¹. В VI в. правители провинций и судьи нередко вовсе отказываются разбирать жалобы колонов на несправедливые действия их господ².

Таким образом, законодательные положения, ограничивавшие произвол землевладельцев в отношении колонов, носили в значительной мере декларативный характер. Но сам факт издания этих норм служит показателем социального веса колонов в Восточной империи в V—VI вв.³. Борьба этих земледельцев заставила государственную власть признать в ряде случаев такие нормы обычного права, которые находились в явном противоречии с положениями официального права. Так, например, лишение землевладельца права произвольно устанавливать размеры оброка противоречило закону, объявлявшему все имущество колона достоянием господина.

Этот факт лишний раз подтверждает то положение, что колон (в том числе и адскрипций)⁴ в известных пределах мог распоряжаться своим имуществом, что землевладелец не имел права наложить свою руку на пекулий колона, как он мог это сделать с пекулием серва.

Наконец, издание указанных правовых норм служит показателем того обстоятельства, что колоны могли более эффективно вести борьбу против господствующего класса, чем рабы. Расселение колонов, как было уже отмечено, происходило нередко более или менее компактными массами в деревнях и имениях. „Многолюдные“ деревни могли иногда успешно оказывать сопротивление своим землевладельцам⁵.

Важно также отметить, что источники не позволяют провести резкую грань между адскрипциями и свободными колонами в этом отношении. Возможно, что оброки последних были ниже, чем приписных колонов, но обычное и официальное право не устанавливало в данном случае какой-либо дифференциации для колонов различных разрядов⁶.

Анализируя вопрос об участии колона в распределении продуктов производства, мы можем сделать вывод, что колон стоял в этом отношении значительно выше античного раба. Обычным правом и отчасти официальным законодательством признано было его право на известную часть продукта производства. Но в то же время норма эксплуатации колона была более высокой, чем у средневекового крепостного.

Важное значение для изучения статуса колона имеет также вопрос о его личных правах. Характеризуя личные права колонов, мы, так же как и при оценке имущественных их прав, встречаемся в источниках с рядом противоречивых положений. Законодательство обнаруживает

¹ Так, например, конституция, изданная в начале V в., предписывала, чтобы магнаты не заседали вместе с судьями в судах тогда, когда решаются их тяжбы (Cod. Just., I, 45. 1).

² Nov. Just., XXVI, 3.

³ Следует отметить, что все конституции IV—VI вв., запрещающие взимать оброк с колонов сверх обычая, относятся к восточным провинциям империи.

⁴ Конституция Аркадия и Гонория, упоминающая об отсутствии у адскрипций права иметь свою собственность, признает в то же время за ними право судиться с господами в случае незаконного обложения их оброком (Cod. Just., XI, 50. 2). Этот закон оставался в силе при Юстиниане.

⁵ См. выше, стр. 67, прим. 6.

⁶ Можно лишь предполагать, что правительству приходилось особенно заботиться о том, чтобы „свободные“ колоны, недавно закрепощенные и особенно активно выступавшие против землевладельцев, не были доведены до крайних средств борьбы. В связи с этим законодательство VI в. особенно строго запрещало чрезмерное обложение оброками именно этого разряда колонов (Cod. Just., XI, 48. 23).

совершенно явную тенденцию приравнивать колона в отношении его личных прав к серву; но в то же время некоторые данные юридических и других источников позволяют сделать вывод, что практически колон обладал определенной суммой гражданских прав, поэтому сопоставление колона с античным рабом и в этом отношении неправомерно.

Утрата восточно-римским колоном важнейших атрибутов свободного состояния несомненна. Выше рассматривался уже вопрос об ограничении имущественной правоспособности колонов. Колоны утрачивают и такой признак свободы, как право произвольного передвижения. Известно, что еще в течение IV в. произошло во всей империи прикрепление колонов к земле¹. Это закрепощение постигло колонов всех разрядов без различия в их положении². К VI в. законодательство расширяет практику прикрепления к земле на всех тех земледельцев, которые более 30 лет обрабатывали чужую землю (Cod. Just., XI, 48. 19). Юстиниан распространил действие закона о прикреплении колонов к земле и на детей „свободных“ колонов, хотя бы они и пробыли на данной земле менее 30 лет (Cod. Just., XI, 48. 23).

В VI в. законодательство перестает ограничивать землевладельцев каким-либо сроком для розыска беглых колонов. В V в. существовал закон о тридцатилетнем сроке розыска колонов, оригинариев и инквильнов (Cod. Theod., V, 18, 1. Ср. Cod. Just., XI, 66. 6). Юстиниан же вовсе отменил давность для востребования детей „свободных“ колонов, ушедших из поместья (Cod. Just., XI, 48. 22), а затем уничтожил всякие ограничения в сроке розыска адскриптицев; он указал, что последние навечно привязаны к земле (Cod. Just., XI, 48. 23)³.

Хотя в данном законе отменялось ограничение срока розыска именно адскриптицев, но официальное право также непреклонно прикрепляло к земле и „свободных“ колонов. В законодательстве IV—VI вв. часто повторяется положение, что „свободные“ колоны, хотя и являются людьми свободными, не имеют права оставлять земли, которые они обрабатывают (Cod. Just., XI, 52; XI, 48. 19; 23; Nov. Just., CLXII, 2—3). Землевладелец мог также требовать возвращения беглого свободного колона, как и адскрипция, от укрывших его светских или духовных землевладельцев (Cod. Just., XI, 48. 23; Nov. Just., XVII, 14; CXXIII, 35). Это показывает несостоятельность утверждений некоторых буржуазных исследователей, будто на Востоке „свободные“ колоны не зависели от господ⁴.

В буржуазной историографии нередко делались попытки представить прикрепление колонов к земле мероприятием, продиктованным фискальными соображениями, проявлением политики прикрепления всего населения к тяглу. Лишение колонов свободы передвижения представляло собой, однако, явление, глубоко отличное от прикрепления куриялов к курии. Колон не просто лишался возможности менять местожи-

¹ В конституции Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 386 г. о закрепощении палестинских колонов указывалось, что в остальных провинциях закон уже удерживает колонов вечным принудительным правом (Cod. Just., XI, 51). Некоторые авторы ставили под сомнение прикрепление колонов к земле в Египте. См. A. Ch. Johnson. Egypt and the Roman Empire, p. 94, 106 и др.; А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах..., стр. 100. Однако конституция Кодекса Феодосия требует пресекать бегство египетских колонов с мест их жительства (Cod. Theod., XI, 24. 1; 6).

² Sine ullo sexus muneris condicionisque discrimine (Cod. Just., XI, 48. 6).

³ Исключение допускалось в случае бегства колона в монастыри. В таких случаях срок розыска беглого определялся в 3 года (Nov. Just., CXXIII, 35).

⁴ См. M. Palasse. Orient et occident à propos du colonat Romain au Bas-Empire, Lyon, 1950, p. 44—45, 56—61.

тельство, но и фактически становился крепостным человеком своего посессора, земледельцем, находящимся в личной зависимости от землевладельца. Прикрепление колонов являлось средством внеэкономического принуждения, необходимым для того, чтобы поставить непосредственных производителей в прямую зависимость от землевладельцев, обеспечить последних рабочей силой. Уже в IV в. законодательство трактует колонов не как полноправных свободных граждан, а как людей, принадлежащих землевладельцу. В юридических источниках V в. колоны выступают как собственность их господ¹.

Колон мог быть продан землевладельцем или отдан по завещанию вместе с имением, в котором он находился². Колон мог попасть в распоряжение арендатора, взявшего в аренду ту землю, на которой сидел колон³.

Официальное право в V в. нередко противопоставляет колонов свободным людям⁴. Состояние колонов юристы считают близким к рабству⁵. В VI в. противопоставление колонов свободным людям и сближение их с сервами еще больше усиливается, особенно по отношению к низшему разряду колонов — адскрипциям. Наиболее ярко сопоставление положения адскриптиев и рабов выражено в известном риторическом вопросе конституции Юстиниана от 530 г.: „В чем состоит различие между адскрипцием и сервом, если оба они находятся во власти господина, и господин может и серва освободить с его пекулием и удалить адскрипцию вместе с землей из-под своего господства?“ (Cod. Just., XI, 48. 21).

Детей адскриптиев новелла Юстиниана характеризует как „рабское отродье“ (Nov. Just., LIV, praef.). Стремление законодательства принизить социальный вес колонов чуть ли не до рабского заметно не только по отношению к адскрипциям. В более осторожной форме эта тенденция проявляется и по отношению к „свободным“ колонам. Несмотря на то, что законодательство постоянно подчеркивает свободное состояние данного разряда колонов⁶, последние, подобно адскрипциям, лишены свободы передвижения. Нередко в законодательных актах свободным людям противопоставляются все колоны независимо от их разряда⁷.

¹ Землевладелец мог разыскивать и требовать беглого колона как свою собственность — *causa proprietatis* [Cod. Just., XI, 48. 14 (400 г.)]; колоном можно было „владеть“ — *si quis colonus... a quo forte possidetur* [Cod. Theod., V, 18.1 (419 г.)]. Колонов делят на „чужих“ и „собственных“ [Cod. Theod., V, 6. 3 (419 г.)]. В конце V в. не только адскрипциями, но и прочими колонами землевладелец, по выражению конституции Зенона (484 г.), мог распоряжаться как своей собственностью: *dominis... jus proprium ad similitudinem ceterorum colonorum in suos adscriptitios exercendi... tribui facultatem* (Cod. Just., I, 3. 36).

² Cod. Just., XI, 50. 2 (396 г.); XI, 48. 13 (400 г.); Cod. Theod., XIII, 10. 3 (356 г.); XI, 1. 26 (399 г.); Nov. Just., CLXVII.

³ См. P. Giess., 56. См. М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 105.

⁴ Cod. Just., X, 71. 3.

⁵ *Paene est ut quadam servituti dediti videantur* (Cod. Just., XI, 50. 2). Также Cod. Just., XI, 52.

⁶ Cod. Just., XI, 48. 19; Nov. Just., CLXII, 2.

⁷ Cod. Just., X, 71. 3 (401 г.); Cod. Just., I, 12. 6 (466 г.); Cod. Just., VIII, 51. 3 (529 г.). Конституция Юстиниана от 531 г., разрешающая господину требовать возвращения сына „свободного“ колона, ушедшего из имения, указывает, что данный колон, даже не находясь в имении, не был в действительности на свободе, так как „часть его тела при посредстве родственников оставалась в имении“ (*Quum enim pars quodammodo corporis eius per cognationem in fundo remanebat, non videtur neque abesse neque peregrinari neque in libertate morari* — Cod. Just., XI, 48. 22).

За укрывательство беглого „свободного“ колона поссессор нес такую же ответственность, как и за укрывательство адскрипции (Cod. Just., XI, 48. 23; Nov. Just., XVII, 14; ср. Cod. Just., XI, 53. 1; XI, 52; Cod. Theod., XI, 24. 6). Одинаков был также порядок выдачи беглых адскрипциев и „свободных“ колонов из монастырей их прежним господам (Nov. Just., CXXIII, 35)¹.

Стремление государства подчинить колонов личной власти господ выражалось также в признании за владельцами имений патронатных прав по отношению к колонам. В конституции 393 г. о фракийских колонах указывалось, что поссессор может проявить по отношению к этим земледельцам попечение патрона и власть господина (*possessor eorum iure utatur et patroni sollicitudine et domini potestate* — Cod. Just., XI, 52). В конституции Аркадия и Гонория от 396 г. об отношении колонов к их владельцам говорится как об отношении к господам и патронам². Между тем известно, что патрон имел право требовать от своего клиента-вольноотпущенника повиновения и послушания (*obsequium*)³. Таким образом, отношения патрона и клиента увеличивали личную власть землевладельца над колоном. Личная зависимость от поссессора присуща не только адскрипции, но и „свободному“ колону.

Юридические источники V—VI вв. противопоставляют свободным людям не только раба, либертина и адскрипцию, но и „свободного“ колона, как человека связанного своим подчиненным положением⁴. Об этих колонах говорится как о людях, которые, подобно адскрипциям, тесно связаны со своими господами⁵. В перечне форм зависимого состояния, противопоставляемого свободе, фигурируют адскрипциат, колонат и рабство⁶. Землевладелец выступает в источниках как *dominus*, *δεσπότης*, *κύριος* по отношению к колону.

В источниках содержатся и конкретные данные, характеризующие тенденцию государства в IV—VI вв. расширить личную власть землевладельца над колоном и ограничить гражданские права последнего.

Уже в IV в. значительно сужается правоспособность колона. Колону запрещается без ведома господина вести какое-либо гражданское дело (Cod. Theod., V, 19. 1). Колон лишается права судиться в гражданских делах с господами, за исключением случаев незаконного взимания оброка (Cod. Just., XI, 50. 1—2). В VI в. ограничивается возможность колонов выступать в качестве свидетелей на суде. Их, очевидно, коснулось указание закона Юстиниана от 539 г. о том, что в свидетели

¹ Законодательство, очевидно, карало адскрипциев за бегство более строго, чем „свободных“ колонов. Закон Константина от 332 г. о наложении оков на беглых колонов (Cod. Theod., V, 17. 1) в VI в. распространялся лишь на адскрипциев (Cod. Just., XI, 48. 23).

² *Adversus dominos vel patronos* (Cod. Just., XI, 50. 2). См. также Cod. Theod., XI, 24. 6.

³ См. А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов, стр. 57. Юридические источники в ряде случаев представляют отношения землевладельца к колону как покровительство, попечение со стороны патрона. В законе Анастасия, закрепощающем „свободных“ колонов, указывается, что эта мера „выгодна как поссессорам, так и земледельцам“ (Cod. Just., XI, 48. 19). О возможном освобождении адскрипции вместе с землей от зависимости говорится в конституции Юстиниана как об изгнании (*possit... adscriptitium cum terra suo dominio expellere?* — Cod. Just., XI, 48. 21).

⁴ *Persona... conditioni subdita* (Cod. Just., I, 12. 6). Ср. Nov. Just., LXXX, 2.

⁵ Nov. Just., CXXVIII, 14.

⁶ *Hi, qui ab huiusmodi hominibus educati sunt, liberi et ingenui appareant... nulla macula vel servitutis vel adscriptitiae aut colonariae conditionis imbuti* [Cod. Just., VIII, 51. 3 (529 г.)].

нужно брать лишь людей „достойных“; люди низшего звания должны были давать свидетельские показания под пыткой¹.

Колон не мог поступить в армию по своему почину. Он попадал в армию лишь в том случае, если был направлен землевладельцем, обязанным поставить известное число рекрутов. Беглого колона, оказавшегося в армии, возвращали его господину [Cod. Just., VII, 38.11 (365 г.)]. Уход колона в монастырь, поступление в клир были возможны, как правило, также лишь с санкции землевладельца [Cod. Just., I, 3. 16 (409 г.); I, 3. 36 (484 г.); Nov. Just., CXXIII, 17 и 35].

Колон лишен также права поступать на государственную службу (Cod. Just., XI, 48. 11; 18). Государственные налоги в большинстве случаев он вносил не сам, а через посредство владельца. Законодательство предоставляло право землевладельцу взять на себя уплату государственных налогов даже и „свободных“ колонов (Nov. Just., CXXVIII, 14).

О росте частной власти магнатов и о наличии дисциплинарной власти землевладельцев над колонами свидетельствуют многочисленные данные источников. Официальное право, опасаясь децентрализаторских тенденций магнатов на местах, формально запрещало устройство частных тюрем, содержание буккеляриев и даже ношение и изготовление оружия частными лицами (Nov. Just., XVII, 17; LXXXV, 3—4). Эти запреты, однако, были столь же мало действенны, как и законы, направленные против патрониниев. Папирусы и литературные источники свидетельствуют о том, что крупные землевладельцы в VI в. имели буккеляриев, нередко заключали колонов в поместные тюрьмы, подвергали различным наказаниям, осуществляли судебную власть над зависимыми земледельцами².

В ряде случаев государство само предоставляло дисциплинарные права над населением имений их владельцам. В V в. землевладельцам провинции Африка предписано было наказывать бичеванием колонов, придерживающихся донатистской ереси. (Cod. Theod., XVI, 5. 52). В VI в. землевладельцам разрешено было подвергать дисциплинарным мерам адскриптициев, виновных в сожительстве со свободными женщинами (Cod. Just., VII, 24. 1; XI, 48. 24). Практика дисциплинарного воздействия поссессоров распространялась и на „свободных“ колонов. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при выдаче из монастырей беглых адскриптициев и колонов их господам, с последних бралось обещание, что они не будут сурово наказывать колонов за бегство (Nov. Just., CXXIII, 35).

О личной власти землевладельцев свидетельствует и тот факт, что магнаты в отдельных случаях заставляли колонов служить им с оружием в руках. Магнаты побуждали колонов браться за оружие во время столкновений с соседними светскими и духовными землевладельцами, для отражений нападений „варваров“ или для оказания сопротивления правительственным чиновникам, особенно налоговым³.

¹ Nov. Just., XC, 1.

² См. Р. Оху., 1867. О судебной власти, осуществляемой египетским монастырем над земледельцами, см. М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв., стр. 37—38.

³ Cod. Theod., XIII, 11.3. Иоанн Златоуст в XIV письме к Олимпиаде рассказывает о том, как „прекрасная Селевкия“, представительница каппадокийской знати, готовясь защитить Иоанна от кесарийских монахов, приказала собрать земледельцев из ее поместий и приготовить их к бою (см. М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 74).

Утрата колонами статуса полноправных свободных граждан выражается также в ограничении их брачного права. Ряд законодательных положений суживал круг лиц, с которыми колоны могли вступать в брак. Землевладельцы имели право не допускать браков своих колонов с колонами других господ (Nov. Just., CLVII, 1); поссессоры могли также разделять родителей и их детей: если адскрипции разных господ, вопреки правилам, заключали браки, то их потомство делилось между господами [Nov. Just., CLXII, 3 (539 г.)]. Между „свободными“ колонами и адскрипциями были запрещены браки даже в пределах одного и того же имения. Землевладельцы имели право расторгать такие браки (см. выше, стр. 54—56). Брак между колонами даже и в пределах имения оказывается под строгим контролем со стороны поместной администрации.

Таким образом, в V—VI вв. усиливается ограничение личных прав колонов.

Законодательное лишение свободы передвижения и подчинение колонов личной власти землевладельцев в сочетании с ограничением имущественной правоспособности колонов означали утрату последними важнейших атрибутов свободного состояния в той интерпретации понятия свободы, которая присуща античному обществу. Это распространялось не только на низший разряд колонов — на адскрипциев, но и на „свободных“ колонов.

Изменение статуса колонов, которые еще в III в. представляли собой свободных граждан в прежнем понимании этого термина, не означало, однако, что они деградировали до состояния сервов. Если мы замечаем в законодательстве стремление низвести колонов, особенно адскрипциев, до бесправного положения рабов, то это отнюдь не говорит о том, что практически колоны или хотя бы адскрипции перестали отличаться от рабов и слились вместе с ними в единую массу земледельческого эксплуатируемого населения¹.

Тенденция законодательства лишить колонов всех прав свободных людей, подчинить власти землевладельцев и обеспечить тем самым возможность внеэкономического принуждения встречала упорное сопротивление со стороны земледельцев. Колоны отстаивали свои права свободных граждан от посягательств поссессоров, отказывались нередко признавать себя колонами, апеллировали к высшим судебным инстанциям империи и в ряде случаев переходили к вооруженной борьбе. Это упорное сопротивление колонов порабощению не оставалось безрезультатным. Ряд правовых норм, направленных на выдачу колона во власть землевладельца, не получил применения или был ограничен. Не всегда у государства, например, хватало сил для осуществления закона о бессрочном розыске беглых колонов. Правительство не сочло возможным настаивать на применении этого закона в Африке после завоевания этой провинции. Специальные конституции Юстиниана предупреждали

¹ М. В. Левченко (Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 72) считает показателем реального соотношения сил крупного землевладельца и сельской общины тот факт, что администрация крупного имения могла бросить в тюрьму всех выборных лиц общины. Следует учитывать, однако, и те данные источников, которые показывают другие стороны взаимоотношений между земледельцами и поссессорами. В документах, на которые ссылается М. В. Левченко, идет речь о крупных имениях, владельцы которых, как правило, располагали значительным аппаратом принуждения. Но законодательство считается с тем, что землевладелец не всегда может заставить обитателей поместья подчиниться своей воле (Cod. Just., IX, 39.2). Колов, обращающийся с просьбой о суде к владельцу имения, предупреждает последнего, что в случае отказа он не останется в поместье (Р. Оху., 130).

землевладельцев Африки о том, что они не имеют права требовать возвращения колонов и их детей, которые ушли из имений еще при вандалах и живут среди свободных людей или вступили в духовное звание¹. Признано было также право детей адскриптицев от свободных женщин покидать владения поссессоров в том случае, если они становились земельными собственниками в каком-нибудь другом месте и для них было невозможно совмещать ведение хозяйства на этой земле и выполнение обязанностей колонов.

Закрепощение само по себе, однако, не определяет статуса колона: оно сразу же проводит грань между свободным поселенцем, арендатором и прекаристом, с одной стороны, и колоном, с другой; но отсутствие свободы передвижения — черта общая и для античного раба, и для средневекового крепостного.

Законодательные положения IV в., ограничивавшие правоспособность колонов, очевидно, не утвердились в V—VI вв. Так, например, конституция, запрещавшая колонам вести гражданские дела без санкции господина (Cod. Theod., V, 19. 1), не вошла в Кодекс Юстиниана².

Источники свидетельствуют о том, что, несмотря на отмеченные выше ограничения юрисдикции колонов, практика судебных дел между колонами и их господами была широко распространена в Восточной империи в VI в. Правительство высказывает нередко беспокойство по поводу скопления в столице большого количества колонов, тягущихся со своими землевладельцами. Оно старается сократить сроки пребывания этих крестьян в Константинополе и ограничить число их представителей; правительство требует, чтобы жалобы колонов заслушивали сначала местные власти, но не ставит под сомнение право колонов судиться с господами³.

В Восточной империи как „свободные“ колоны, так и адскрипции могли заключать браки — *matrimonia* (Cod. Just., XI, 69. 1; ср. Nov. Just., XXII, 17; CLXII, 2). Они имели семьи, и дети колонов находились в отцовской власти⁴. Не имея возможности вступать в армию по своей инициативе, колоны в отличие от сервов не были в принципе устранены от воинской службы. Несмотря на общие правовые нормы, позволявшие принимать колонов и рабов в клир с санкции их господ, колоны могли становиться клириками даже без разрешения землевладельца, хотя и обязывались нести прежние повинности в пользу своего господина (Nov. Just., CXXIII, 17).

Мы не встречаем ни в юридических, ни в литературных источниках V—VI вв. упоминаний о „цене“ колона или о продаже колонов без земли. О купле-продаже сервов в этих же источниках имеется немало данных. Юстинианом определена была такса цен на рабов различных профессий (Cod. Just., VI, 43. 3; VII, 7. 1).

Никакие презрительные эпитеты, употреблявшиеся законодателями V—VI вв. по отношению к колонам, не могут заслонить того совер-

¹ См. З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, т. V, 1952, стр. 47.

² На Западе, где права колонов ограничивались в большей мере, чем в Восточной империи, эта конституция вошла в Бревиарий Алариха (Lex Romana Visigothorum, Cod. Theod., V, 11. 1).

³ См. Nov. Just., XXVI, 3. Право колонов судиться с господами по уголовным делам вообще никогда не оспаривалось (Cod. Just., XI, 50. 2). В законодательстве не ставится вопрос об ответственности господина за убийство колона (как это делается в отношении серва), так как колон не выделяется в этом отношении из числа свободных граждан.

⁴ См. К. Е. Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1887, S. 230—231.

шенно несомненного факта, что ни официальное, ни обычное право Восточной Римской империи V—VI вв. не смогло низвести колона до положения раба, являвшегося вещью, собственностью землевладельца. Государственное законодательство признает за последним лишь право на труд колона, на принуждение его к отбыванию известных повинностей. Это — черта, присущая уже крепостной зависимости.

Таким образом, несмотря на все ограничения личной правоспособности колона в V—VI вв. и вопреки стремлению официального права принизить социальный вес этого разряда земледельцев, колон отнюдь не опускается до уровня серва. Об этом свидетельствуют ведение колонами самостоятельного хозяйства, известная имущественная правоспособность колона, в частности право передачи своего имущества детям и составления завещания, способность колонов судиться с господами, привлечение колонов к службе в армии, наличие у них семьи и пр.

Сопротивление колонов порабощению могло оказаться в значительной мере действенным по той причине, что оно находилось в соответствии с некоторыми тенденциями исторического развития.

В переходный период от рабовладельческого общества к феодальному наряду с традициями рабовладельческого строя действовали уже факторы феодализации. Потребность самих землевладельцев в рабочих, заинтересованных в своем труде, играла важную роль в том, что статус колона V—VI вв. остался совершенно отличным от статуса серва¹.

Не только „свободный“ колон, но и адскрипций представляет собой непосредственного производителя, принципиально отличного по своему типу от античного раба. Колону присущи, правда, некоторые черты рабского состояния. Но известно, что и крепостное право раннего средневековья заключало в себе еще много черт древнего рабства².

Рассматривая ограничения имущественных и личных прав колона, мы обнаружили ряд черт, которые могли бы отметить также и в статусе тех или иных групп средневековых крепостных крестьян. Колон Восточной Римской империи V—VI вв. стоит несколько ближе к крепостному раннего средневековья, чем колон Западной империи IV—V вв., хотя последний также представлял собой предшественника крепостного крестьянина.

В восточных провинциях империи колон имел, повидимому, больше прав на свое имущество, чем на Западе, чаще являлся владельцем собственной земли, его шире привлекали для службы в армии, он был не так бесправен по отношению к землевладельцу, как его собрат на Западе.

Колоны в Восточной империи, повидимому, вели борьбу против землевладельцев более сплоченно. Этому способствовало то обстоятельство, что здесь в большей степени, чем на Западе, сохранились остатки общинных связей у земледельцев, являвшихся основным контингентом для колоната. Но тем не менее положение восточно-римского колона по сравнению с обычным типом средневекового крепостного оставалось неустойчивым.

¹ Государство, идя на „уступки“ колонам, признавая, например, право колонов-самаритян делать завещания или объявляя о рассрочке платежей налогов, открыто заявляло, что все это совершается в конечном счете ради самих посессоров. См. Nov. Just., CLXIII, 1: Προσάγομεν ὑπὲρ πολιτεύματος εἰκότως αὐτῶ καὶ τὴν ἐπὶ παρόντος δωρεάν δι' ἧς concedimus γεωργοῖς τε καὶ συντελεσταῖς ἀπασι (ταῦτόν δέ ἐστιν εἰπεῖν τοῖς τῶν χωρίων κυρίοις). Integrum unum canonem τῶν δημοσίων φόρων [τῆς] εἰς quadriennium διακουμένους. Ср. также Nov. Just., CXLIV, 2.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 640.

Колон не имел достаточно прочных прав на свой участок земли и свое хозяйство, хотя он, как отмечалось выше, имел право на часть продуктов производства своего хозяйства. Мы не встречаем в официальном праве каких-либо норм, закрепляющих за колонами обрабатываемую ими землю. Это, разумеется, замедлило процесс превращения колона в работника, заинтересованного в своем хозяйстве и в своем труде. Мы отмечали уже, что экономический и политический строй Восточно-римского государства V—VI вв. обуславливал такую норму эксплуатации колона, которая тормозила создание у этого непосредственного производителя серьезных стимулов для повышения производительности своего труда.

Таким образом, колонат в Восточной Римской империи, несмотря на его некоторую близость к крепостническим отношениям, отнюдь не может быть отождествлен с последними. Колонат представлял собой форму производственных отношений, соответствующую переходному периоду от рабовладельческого строя к феодальному. Изложенные выше данные о характере восточно-римского колоната, ставшего в V—VI вв. одной из главных форм эксплуатации непосредственных производителей, указывают, что рабство во многом уже начинает утрачивать в рассматриваемый период времени значение господствующей формы экономических отношений (во всяком случае в сельском хозяйстве).

Колонат V—VI вв. — это очевидный показатель разложения рабовладельческой системы хозяйства и яркое проявление процесса феодализации, происходившего уже в то время в Восточной Римской империи.
